
АЛЕКСАНДР ДОБРОЯРОВ
ЧУЖАЯ ВЕРСИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН
Пока никто не знает • Книга 4
18+

Александр Доброяров

Чужая версия

«Автор»
2026

Доброяров А.

Чужая версия / А. Доброяров — «Автор», 2026

В публичной версии жизни Александра есть успешная компания, крепкая семья и репутация человека, который умеет держать слово. В частной — страх стать ненужным и привычка прятаться за собственными достижениями. Уход из прежнего бизнеса лишает его знакомой роли, а самостоятельная работа Полины в другом городе меняет их брак. Нескольких сообщений в анкете со статусом «разведён» хватает, чтобы поставить под угрозу годы доверия. Александр останавливается до встречи и сам рассказывает жене. Но признание не возвращает прежнюю близость. Пока Полина решает, хочет ли остаться, ему предстоит выдержать жизнь, в которой нельзя управлять чужим выбором. Взрослый психологический роман об изменах, амбициях и цене доверия. Четвёртая книга цикла «Пока никто не знает».

© Доброяров А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая 6
Глава 1. Человек на фотографии 6
Глава 2. Предложение без срока 8
Глава 3. Варвара 10
Глава 4. Другой город 12
Глава 5. Два разговора 14
Глава 6. Старый альбом 16
Глава 7. То, что уже отправлено 18
Глава 8. Плавательная дорожка 20
Глава 9. Слова для школы 22
Глава 10. Не справка о переменах 24
Глава 11. Условие в середине страницы 26
Глава 12. Потолок 28
Глава 13. Чья работа 30
Глава 14. Необходимое уточнение 31
Глава 15. Место у окна 33
Глава 16. Здание без посетителей 35
Глава 17. Ночь в незнакомом городе 37
Глава 18. Без последнего абзаца 39
Глава 19. Право передумать 41
Глава 20. Номер журнала 43
Глава 21. После первой встречи 45
Глава 22. Цена присутствия 47
Глава 23. Присутствующие 49
Глава 24. Подпись 51
Глава 25. Свой экземпляр 53
Часть вторая 54
Глава 26. За столом напротив 54
Глава 27. Срок на обороте 56
Глава 28. Человек, который останется 58
Глава 29. Вещи на две недели 60
Глава 30. Первый ключ 62
Глава 31. Восемь сорок 64
Глава 32. Вторая площадка 66
Глава 33. Никаких гарантий 67
Глава 34. Вода под дверью 69
Глава 35. Вопрос, которого не было 71
Глава 36. Вопросы из ящика 73
Глава 37. После аплодисментов 75
Глава 38. Заказ на двоих 77
Глава 39. Непрошеный свидетель 79
Глава 40. Полчаса до закрытия 81
Глава 41. День без встречи 82
Глава 42. Возвращение не сразу 83
Глава 43. Квартира на картинке 84
Глава 44. Белая заколка 85

Глава 45. То, что решили без него 87
Глава 46. На другом листе 88
Глава 47. У Крылова 89
Глава 48. Сколько стоит дорога 90
Глава 49. Второй отъезд 92
Глава 50. Меньшая сумма 93
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Александр Доброяров
Чужая версия

Часть первая
Чужая версия

Глава 1. Человек на фотографии

На фотографии у него были чужие руки.

Александр увеличил снимок, придвинул телефон к лицу. Часы его, небольшая царапина возле костяшки тоже его — на прошлой неделе задел крепление детского велосипеда. Но человек на экране держал ладони так, словно никогда не искал в карманах мелочь, не отдирал засохший клей от стола и не просыпался с затёкшими пальцами под чужой головой. Одна рука лежала на колене, другая свободно свисала с подлокотника. Так фотограф и велел: свободнее. Александр послушался, и свобода получилась убедительной.

Под снимком стояло: «К тридцати шести годам он построил компанию, сохранил семью и научился не идти на компромиссы с собой».

Он прочитал ещё раз. Компания существовала до него. Семья у него была вторая. С компромиссами всё зависело от того, кто задавал вопрос.

За дверью ванной что-то упало.

— Не заходи! — крикнула Соня.

Он отложил телефон.

— Ты цела?

— Я да. Расчёска нет.

Потом щёлкнула щеколда, и в щели появилось серьёзное лицо с мокрой чёлкой. Соня держала две половины зелёной расчёски. В шесть лет она уже умела смотреть на человека так, будто повреждённый предмет был предложением, которое ему предстоит обдумать.

— Она сама?

— Я наступила. Но случайно.

Александр присел. У расчёски сломалась ручка возле самого основания. Склеить было можно, пользоваться потом — вряд ли.

— Купим другую.

— Такую же?

— Посмотрим.

Соня нахмурилась.

— Ты всегда так говоришь, когда не знаешь.

— Потому что я пока не знаю.

Это объяснение её устроило. Она отдала ему обломки и побежала за заколкой. Через месяц с небольшим ей предстояло идти в первый класс; последние дни она тренировалась собираться без помощи. Получалось долго, с остановками на выдуманные разговоры с зеркалом. Александр стал вставать на двадцать минут раньше.

Из комнаты вышла Полина. Волосы она убрала карандашом, а в руке держала два образца серого материала, почти одинаковых при утреннем свете.

— Нижний холоднее? — спросила она.

Он посмотрел.

— Для меня одинаковые.

— Спасибо, очень помог.

Она улыбнулась, приложила оба к белой стене и повернула так, чтобы на них упал свет из кухни. Александр потянулся к телефону. Сообщение от Дарьи: «Редакция прислала подводку. Сам текст будет после интервью. Посмотри до одиннадцати, пожалуйста».

— Что там? — спросила Полина.

— Меня уже описали.

Он прочитал ей фразу под фотографией. Полина сняла карандаш, потом снова собрала волосы.

— А интервью зачем?

— Видимо, чтобы я подтвердил.

— Подтвердишь?

В её голосе не было проверки. От этого вопрос прозвучал неудобнее.

— Попрошу изменить.

Он написал Дарье: «Компания не моя с основания. И про семью убрать. Остальное после разговора».

Посмотрел на «остальное» и стёр. Отправил две первые фразы.

Соня вернулась с белой заколкой и села на табурет спиной к нему. Александр разделил влажные волосы. За пять лет они стали длиннее, темнее; она уже не терпела, если он собирал хвост слишком высоко. Полина смотрела на образцы у стены. В квартире работал холодильник, из открытого окна доносился шум мусоровоза.

Телефон мигнул ответом: «Про семью целиком? Это же человеческая часть».

Александр убрал его экраном вниз. Соня дёрнула плечом.

— Больно.

Он ослабил прядь.

На фотографии человек в кресле не держал ничего, что могло бы причинить боль другому.

Глава 2. Предложение без срока

Марк Ильич позвонил, когда Александр уже въехал на стоянку. Предложил подняться к нему, не заходя в свой кабинет. Ничего срочного. Именно поэтому Александр задержался в машине: за последние годы он научился различать срочность и желание встретить человека до того, как тот успеет заняться другими делами.

У Марка на столе лежал конверт из плотной бумаги. Рядом — очки, которыми он почти не пользовался во время разговоров.

— Ты вообще думаешь о следующем шаге? — спросил он.

— Сегодня или в жизни?

— В жизни. Сегодня у тебя в одиннадцать Мельников.

Александр сел. В коридоре стукнули каблуки, затем проехала тележка уборщицы. На стене за Марком висела старая схема площадки; два корпуса на ней давно изменили назначение, но схему не снимали.

— Мне предложили выкупить часть долей, — сказал Марк. — В том числе твою, если захочешь. Не я предложил. Мне задали вопрос, я передаю.

Александр посмотрел на конверт.

— Кто?

Марк назвал инвестиционную группу. Название Александр слышал. Их представитель полгода назад приезжал на отраслевую встречу и задавал вопросы о людях подробнее, чем о станках.

— Контроль?

— Обсуждают. Ничего ещё не подписано. Я не хочу, чтобы ты узнал об этом от Дарьи, когда ей понадобится согласовать презентацию.

— А интервью связано с ними?

Марк чуть поднял брови.

— Интервью связано с тем, что журнал делает номер о руководителях. Нам полезно выглядеть живыми людьми. Но если ты спрашиваешь, поможет ли хороший материал переговорам, — поможет.

Александр взял конверт. Внутри были две страницы: предварительная оценка его шести процентов и несколько условий, зависевших от общей сделки. Сумма была достаточно большой, чтобы первое мгновение ничего не чувствовать. Он привык смотреть на такие числа в отчётах. Там рядом всегда стояло другое: обязательства, срок, запас на закупку. Здесь напротив суммы была его фамилия.

— Это не предложение к подписанию, — сказал Марк. — И цену не считай окончательной.

— Вижу.

— Руководитель им нужен. По крайней мере, на переходный период.

— А потом?

— Потом будет зависеть от обеих сторон.

За пять лет Марк почти перестал говорить «мы же понимаем». Теперь он произносил вещи целиком, оставляя собеседнику право понять что-нибудь другое. Александр ценил это, хотя иногда скучал по временам, когда чужая уверенность освобождала его от собственного решения.

— Мне сейчас что-то нужно ответить?

— Нет. Хочу знать только одно: обсуждать тебя в этом варианте можно?

Александр снова посмотрел на сумму. Подумал о Полинином проекте, о школе, о том, что квартира по-прежнему съёмная, хотя купить они могли уже давно. Подумал о себе без этого кабинета и не сумел представить утро после последнего рабочего дня.

— Можно обсуждать, — сказал он. — Без обещаний от моего имени.

Марк кивнул.

— Копию оставь. Только не носи в общей папке.

Внизу, перед лестницей, Александр остановился и набрал Полину. Два гудка, потом шум голосов.

— Я на площадке. Если коротко, говори.

Он услышал, как кто-то просит её проверить высоту.

— Вечером поговорим. Ничего срочного.

— Хорошо.

Она отключилась первой. Александр убрал телефон, прижал конверт к боку и пошёл к себе. Ему было приятно иметь новость, которую ещё никто из домашних не знал. Он заметил это удовольствие и не нашёл для него приличного объяснения.

Глава 3. Варвара

Журналистка приехала за десять минут до назначенного времени и попросила показать ей производство до разговора. Дарья предложила провести сама. Варвара Лебедева достала из сумки блокнот, посмотрела на часы и сказала, что так даже лучше.

Когда они вернулись, Александр стоял у окна. Он видел их через стекло коридора: Дарья говорила, Варвара слушала, не пытаясь одновременно улыбаться и записывать. На последнем повороте она остановилась возле стенда с фотографиями сотрудников. Спросила что-то, показав на снимок Антона. Дарья ответила длиннее, чем требовал обычный вопрос о должности.

В кабинете Варвара не села в кресло, которое приготовили для фотографии. Выбрала стул у переговорного стола.

— Подводку вам прислали слишком рано, — сказала она. — Я её не писала. Приношу извинения от редакции за компанию, которую вы якобы построили в одиночку.

— И за сохранённую семью?

— За неё тоже. В анкете было «женат, дочь» и год первого брака. Человек соединил.

— Человек мог спросить.

— Мог. Я поэтому здесь.

Она положила телефон на стол.

— Можно записывать? Запись для работы, не для публикации целиком. Если хотите сказать что-то вне разговора, предупредите до, чтобы я могла остановить.

Он согласился.

Ей было около тридцати; точнее Александр не определил. Тонкие серебряные серьги, короткие ногти, тёмное платье без попытки выглядеть деловым. В прежней жизни он бы отметил, что она не носит кольца, а потом придумал бы, как показать, что заметил это случайно. Теперь заметил собственный взгляд. Убрал со стола конверт Марка.

— Вы давно здесь работаете? — спросила она.

Он назвал год, рассказал, с чего начинал. Варвара уточнила, кто его нанял. Потом — кто первым дал ему право договариваться о цене. Александр вспомнил Андрея Леонидовича, маленький кабинет с постоянно гудевшим принтером и удовольствие от первой сделки, которой ему позволили заниматься без подсказки.

— Что вы тогда умели лучше других?

— Нравиться людям.

Она подняла глаза.

— Полезное качество для менеджера.

— Не всегда.

— В каких случаях мешало?

Он улыбнулся. Вопрос был простым, почти подготовленным для удачной фразы. Можно было рассказать про скидки, про желание обещать лишнее. Он рассказал про сроки. Варвара записала имя человека, который потом исполнял обещанное.

Разговор шёл полтора часа. Она спрашивала о неудачах и не делала восхищённого лица, когда он признавал очевидное. На вопрос о самом тяжёлом решении Александр заговорил о совместном производственном проекте, от которого они отказались пять лет назад.

— Тяжело было потерять возможность? — уточнила она.

— Признать, что возможность выглядела лучше, чем была.

— А кто первым это понял?

Он помолчал.

— Не я.

Варвара попросила назвать человека. Александр назвал Мельникова, потом поправился: людей было несколько.

Когда запись закончилась, она перевернула страницу.

— Про семью можно задать один вопрос? Если вы не хотите, я не буду развивать.

— Задавайте.

— Вы написали, что формулировку нужно убрать. Потому что частная жизнь или потому что она неверная?

— Потому что неверная.

— Поняла.

Она не спросила, что именно. Александр неожиданно почувствовал досаду: он уже приготовился решать, насколько откровенным будет ответ.

У двери Варвара обернулась.

— Я пришлю фактические вопросы после расшифровки. Не обязательно делать из каждого ответа законченную историю. Иногда достаточно даты.

Она ушла, оставив на столе едва заметное влажное кольцо от стакана. Александр взял салфетку и стёр его раньше, чем позвал Ирину.

Глава 4. Другой город

Полина поняла, что её приняли всерьёз, когда перестали хвалить эскизы.

До этого говорили о свете, масштабе, удачном решении входной зоны. Теперь директор площадки отодвинул рисунки и спросил, сколько дней в месяц она готова работать на месте. За его спиной, в бывшем зале ожидания речного вокзала, рабочий снимал со стены старую проводку. С каждым рывком на пол сыпалась мелкая штукатурка.

— Для запуска мне нужно шесть недель подряд, — сказала Полина. — Потом можно обсуждать поездки.

— А до запуска?

— Два выезда. Если смежники не поменяют сроки.

Директор кивнул, словно именно это и хотел услышать. Он руководил новым культурным центром в городе, до которого поезд шёл четыре с половиной часа. Полину пригласили придумать, как соединить в одном пространстве постоянную выставку, небольшие спектакли и обычную жизнь людей, которым не хотелось покупать билет каждый раз, когда они входят в здание у воды.

— Нам нужен кто-то на весь первый сезон, — сказал он. — Не на каждую лампу. На решения.

Полина посмотрела на пустой проём, за которым когда-то продавали билеты. Ей уже неделю снилось, как там будет двигаться человек. Во сне он всякий раз сворачивал не туда, и приходилось менять расстановку.

— Я не могу ответить сегодня.

— Мы и не просим сегодня. Предварительно — полгода. У вас будет квартира. Условия пришлём отдельно, чтобы не договариваться сейчас в шуме.

Она записала срок. Полгода перестали быть красивым словом из первого письма. Это были сентябрь, октябрь, ноябрь, Новый год, февраль и начало марта. Первый школьный день Сони. Дождь на дороге к вокзалу. Александр, который будет спрашивать, когда она вернётся, и она сама, не всегда знающая точную дату.

На обратном пути Полина отправила Кате голосовое. Катя ответила текстом: «Если тебе это интересно, сначала считай работу. Не отказывай за нас. Наш текущий проект разложим».

Нина позвонила через минуту.

— Ты хочешь? — спросила она.

— Очень.

Слово вышло без защиты, и Полина испугалась собственного голоса.

— Тогда дальше надо обсуждать, — сказала Нина. — Я за тобой половину страны не поеду. Но это не значит, что ты не можешь ехать.

Они засмеялись. Поезд ещё стоял. За окном мужчина в синей куртке долго пытался затолкать большую сумку под сиденье велосипеда. Полина поймала себя на том, что хочет помочь и тем самым отложить звонок домой.

Она открыла семейный чат. Александр прислал фотографию Сони с новой расчёской: не зелёной, а жёлтой, с нарисованной грушей. Дочь держала её двумя руками, как награду за терпение.

«Мы уже купили. Таких зелёных не было».

Полина написала: «Мне предложили остаться на первый сезон. Давай сегодня поговорим спокойно. Буду в девять».

Ответ пришёл почти сразу: «Конечно. У меня тоже новости».

Она положила телефон в сумку. Поезд тронулся, и человек с велосипедом остался стоять на перроне. Сумку он так и не закрепил.

В дороге Полина достала план здания. Раньше ей нравилось мысленно входить через главный вход. Сейчас она долго смотрела на маленькую служебную дверь сбоку: туда будут приходить утром, когда ещё ничего не открыто и никто не ждёт красивого объяснения.

Глава 5. Два разговора

Соня уснула поздно. Она ждала мать, потом хотела показать расчёску, потом вспомнила, что утром они с отцом не подписали тетрадь для подготовительных занятий. В половине десятого Александр сидел на полу возле её кровати и выводил печатными буквами имя на белой наклейке.

— А ты в школе хорошо писал? — спросила она.

— Торопился.

— И я тороплюсь.

— У тебя ещё не школа.

— Всё равно уже получается.

Он показал наклейку. Соня попросила переделать букву «я»: она была меньше остальных. Пришлось отклеивать.

На кухне Полина ела остывшую запеканку из формы. Когда Александр вошёл, подвинула ему тарелку, но он сел напротив с конвертом.

— Ты первая, — сказал он.

Она посмотрела на конверт.

— Это не соревнование.

— Знаю.

Полина рассказала о предложении. Сначала говорила про пространство, про людей, с которыми познакомилась, про директора, который умеет слушать технические возражения. Потом назвала полгода.

Александр расправил край конверта большим пальцем.

— С сентября?

— Подготовка раньше. Основное с сентября.

— А Соня?

Полина отложила вилку.

— Я тоже об этом думаю.

— Она здесь в школу идёт.

— Я помню.

Он услышал свой тон и попытался начать заново.

— Я не против. Хочу понять, как ты представляешь.

— Пока никак до конца. Мне сегодня предложили. Я хочу сначала сказать, что мне очень хочется эту работу. Потом вместе думать, как она возможна. Или почему не получится.

Александр кивнул. Ему хотелось предложить готовую схему: она ездит, он остаётся, Лариса помогает. Но в этой схеме Полина уже выглядела приезжающей матерью, а он — человеком, который великодушно справляется. Он ещё не произнёс ни слова, а успел почувствовать себя обделённым и достойным восхищения.

— Мне страшно, что мы будем жить отдельно, — сказал он.

Полина выдохнула.

— Вот это я понимаю.

— Но я не хочу, чтобы ты отказывалась только потому, что мне страшно.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Мне тоже страшно.

Несколько секунд они молчали. Потом Полина спросила про его новости, и Александр вынул две страницы.

Она прочитала медленно, вернулась к первой строке.

— Ты хочешь продать?

— Не знаю.

— А работу оставить?

— Это не одно и то же. У них условие по переходному периоду. Пока всё предварительно.

— Когда ты узнал?

— Утром.

Она кивнула. Сумма, кажется, удивила её меньше, чем его. Полина переспросила про срок, потом про то, что изменится в его полномочиях.

— Если я скажу, что мне хочется уйти, ты что подумаешь? — спросил Александр.

— Что мне надо выслушать, куда.

— А если никуда?

— Тогда — откуда.

Он засмеялся, хотя смеяться было нечему. У него были ответы про усталость, ответственность, новые возможности. Про то, что могло остаться после них, он ещё не думал.

Полина подвинула страницы обратно.

— Только не связывай это сегодня с моим городом. Иначе завтра получится, что ты продаёшь долю ради моей работы, а я должна быть счастлива за всех.

— Я уже связал, — признался он.

— Я заметила.

Она поднялась, чтобы поставить форму в холодильник. Александр взял тарелки. Из детской донеслось сонное покашливание, оба прислушались. Соня не позвала.

— У нас есть неделя? — спросил он.

— На мой ответ — десять дней.

— Тогда завтра без конверта. Просто про твою работу.

Полина закрыла холодильник.

— Давай. Я хочу рассказать тебе про потолок. Он там ужасный.

Глава 6. Старый альбом

Вера получила сообщение от человека, с которым не разговаривала почти два года. «Ты не против, если я дам твой контакт редакции? Они про Сашу материал делают, нужны старые фото. У меня только с той квартиры. Там ты на всех».

На фотографии, приложенной к сообщению, она сидела на красном складном стуле и держала тарелку на коленях. Сбоку виднелась мужская рука. Дальше, возле окна, стоял Александр — молодой, худой, в рубашке, которую она помнила на ощупь лучше, чем на вид.

Вера поднесла экран к окну. Фотографию кто-то выровнял, сделал ярче. Жёлтая стена перестала быть жёлтой. На снимке появилось название: «Начало большого пути».

Она перечитала сообщение. Написала: «Контакт не давай. Фото куда-то уже отправили?»

Ответили не сразу. Пока ждала, Вера переложила бельё из стиральной машины в таз. Серая наволочка обвилась вокруг пододеяльника, её пришлось вытаскивать отдельно. На кухне остывал соус, который надо было убрать до выхода. Сегодня у неё был обычный четверг, и Александр в нём не планировался.

Телефон звякнул.

«Даше отправил подборку, она вроде в компании работает. Я же не знал, что ты против. Там ничего такого».

Вера села на край ванны, положив таз на колени.

«Я не против фотографии. Я против того, что вы уже придумали, для чего я на ней сижу».

Она стёрла последнее предложение. Слишком много смысла для человека, который просто нашёл старую папку. Написала иначе: «Попроси пока не использовать. Если понадобится именно этот снимок, пусть сначала обратятся ко мне».

«Хорошо. Ты на Сашу ещё злишься?»

Вера посмотрела на мокрый пододеяльник. От его края на плитку натекла небольшая лужа.

Ответить можно было по-разному. Да, иногда. Нет, не так, как ты спрашиваешь. Сейчас я злюсь на тебя. Ничего из этого не исправило бы уже заданного вопроса.

«Я занята», — написала она.

Поставила таз на пол и достала из шкафа альбом. Оригинальный снимок был вклеен между фотографией новогоднего стола и общим кадром на лестнице. Вера помнила, как тогда болела спина от низкого стула, как кто-то разбил банку с огурцами, как Александр ушёл на балкон разговаривать по телефону. Возможно, это был рабочий звонок. Она не знала. В двадцать два года не каждый его разговор казался ей уликой.

Она положила ладонь на край страницы. Долго после развода ей хотелось вынуть снимки с ним. Потом поняла, что ради этого придётся вырезать и себя, и всех, кто сидел рядом. Альбом остался целым.

Теперь незнакомый человек мог взять один кадр и назвать его началом пути. В этом названии уже содержался конец: успешный мужчина, который всё прошёл и пришёл куда надо. Её присутствие давало этому пути человеческое лицо. Сама она для подобной задачи не требовалась.

Вера закрыла альбом. Нашла старую переписку с Александром. Последние сообщения были короткими и редкими; никакой незаконченной ссоры там не лежало. Она написала без приветствия:

«Тебе делают материал со старыми фотографиями? Пожалуйста, не используй снимки со мной, не обсудив со мной отдельно. Я не давала согласия».

Посмотрела на текст и отправила. Потом вытерла воду в ванной. Соус она всё-таки убрала слишком поздно: на поверхности успела собраться плотная красноватая плёнка. Пришлось перемешивать.

Глава 7. То, что уже отправлено

Александр прочитал сообщение Веры между двумя встречами. Первая закончилась раньше, вторая задерживалась, и он стоял у окна в коридоре, держа телефон над батареей. Летом батарея была холодной; всё равно захотелось убрать руку.

Он ответил: «Конечно. Сейчас выясню, что им прислали. Прости, что пришлось самой писать».

Потом позвонил Дарье.

— Мы собираем старые фотографии?

— Редакция попросила архив. Я сказала: если у кого-то есть рабочие снимки…

Она остановилась.

— Что случилось?

— Вере прислали фотографию с ней. От нас.

— От нас не могли. Подожди.

Дарья открыла переписку, он слышал короткие касания клавиш.

— Есть папка от твоего знакомого. Я переслала редактору ссылку, сама посмотрела первые три. Там корпоратив на старой площадке. Дальше не проверяла. Я написала, что имена надо уточнить.

— Попроси остановить использование всей подборки, пока не посмотрим.

— Я сейчас.

В её голосе появилось неприятное ему напряжение: она готовилась защищать рабочее решение. Он и сам уже готовил вопрос, почему не проверила. Вопрос был справедливым и удобным. Можно было десять минут говорить о порядке передачи материалов и совсем не говорить о том, что на фотографии происходило с ним самим.

— Даша, — сказал он, прежде чем она отключилась. — Я не обвиняю тебя. Но проверить надо. И не только этот снимок.

— Я поняла.

Через четверть часа она пришла с ноутбуком. В папке было сорок два изображения: производство, праздники, квартиры, чужие дети, уличная поездка, чей-то день рождения. Два снимка Александр не помнил вообще. На одном стоял с девушкой у капота машины; лицо её закрывала прядь волос. Он помнил эту машину и не помнил имени девушки.

Дарья перелистнула, ничего не спросив.

На фотографии с красным стулом он попросил остановиться. Название «Начало большого пути» оказалось именем файла. Его придумал не журнал.

— Мы так всё называли, — сказала Дарья. — По группам. Детство, начало, производство, сегодня. Я не знала, что там есть личные.

— Удали группу «начало». Оставим только то, где работа и люди согласны.

— Папку у редакции тоже?

— Попросим удалить. Не просто не использовать.

Он сказал это жёстче, чем собирался. Дарья закрыла ноутбук.

— Хорошо. А из рабочих кого спрашивать? Всех на общих кадрах?

Они потратили двадцать минут на список. Нескольких людей уже не было в компании. У одного сменился номер. Антон на старом снимке стоял вполоборота за чужим плечом, молодой, сердитый, в слишком большом халате. На новом стенде он выглядел спокойным. Александр вдруг понял, что даже эта разница просилась в готовое объяснение: компания дала человеку вырасти. Антон, вероятно, рассказал бы ещё кое-что.

Варвара позвонила сама.

— Подборку сняли, — сказала она. — Из редакционной папки тоже. Мне жаль, что вышло так.

— Я хочу ещё раз поговорить. Про то, как будет устроен материал.

— Давайте. Только сначала пришлю вопросы, которые уже появились. Вы не обязаны отвечать на все.

— Мне казалось, это будет про работу.

— Это и будет про работу. Просто ваша анкета написана так, будто работа объясняет всё остальное.

Он собирался возразить, что анкету составлял не сам. Потом вспомнил, как пробежал её глазами и вернул Дарье с исправленной должностью. В тот день ему показалось, что остальное не имеет значения.

Глава 8. Плавательная дорожка

Борис ждал его у бассейна, стоя под водосточной трубой, из которой почему-то капало в сухую погоду. За последние годы он начал приезжать раньше и перестал объяснять это тем, что пробки оказались меньше. Теперь просто говорил: хотелось посидеть до людей.

— Ты мрачный, — заметил он.

— Интервью даю.

— Сочувствую. Что, сказали правду?

Александр засмеялся. В раздевалке пахло мокрыми полотенцами и сладким дезодорантом. Кто-то оставил у шкафа детский шлёпанец. Борис поднял его, поставил на скамью.

— Мне предложили продать долю, — сказал Александр.

Борис обернулся.

— Всю?

— Мои шесть процентов. Пока предварительно.

— И?

Александр назвал сумму. Борис застегнул замок на шкафчике, проверил, потом дёрнул ещё раз.

— За столько я бы даже свою долю в твоей доле продал.

— У тебя нет.

— Потому и обидно.

Они пошли к воде. Борис уже научился делать нормальный поворот, хотя всё ещё выбирал край бортика глазами за полметра до касания. Александр проплыл шесть дорожек, остановился, посмотрел, как тот догоняет.

— Полина хочет на полгода в другой город, — сказал он, когда они повисли у края.

Борис вытер лицо ладонью.

— Хочет или предложили?

— И предложили, и хочет.

— Ты поэтому продаёшь?

— Ещё ничего не продаю.

— Я спросил.

Александр оттолкнулся и проплыл до другого конца. Вода закрыла уши. Под ней он слышал собственное дыхание громче любых слов. Борис не стал плыть следом; ждал у того же края, когда Александр вернулся.

— Мне кажется, — сказал Александр, — если продам, смогу не держаться за кабинет. И у неё будет свобода.

— У неё и сейчас есть. Просто тебе неудобно.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Мы со Светой из-за этого год ругались.

Он сказал без привычной защиты шуткой. Александр посмотрел на него.

— Из-за какого «этого»?

— Она хотела взять работу с поездками. Я всякий раз говорил: конечно, решай сама. И каждый раз, когда она решала, делал такое лицо, что даже собака уходила в коридор. Удобно же. Словами я отличный человек, а настроение у меня само.

— И что?

— В какой-то момент она поехала, не дождавшись моего прекрасного настроения. А я месяц жил как оскорблённый хозяин гостиницы.

Он перевёл дыхание.

— Потом съездил к ней. Увидел, что она там работает. Представляешь? Не проверяет мою любовь и не строит новую жизнь мне назло. Работает.

Свисток тренера оборвал разговор. На соседней дорожке началась детская группа, вода пошла волнами. Борис подтянул очки.

— Ты можешь продать, — сказал он. — Только не говори потом Полине, что подарил ей полгода. Это твои деньги. И твоя работа.

Александр хотел ответить резко, но Борис уже поплыл. Он задержался у края, ощущая под пальцами грубую затирку между плитками. Друг имел право сказать это не потому, что всегда поступал лучше. Иногда право появлялось из более неприятного места: человек слишком хорошо помнил, как они оба умели устраиваться за чужой спиной.

Глава 9. Слова для школы

В субботу Соня принесла из папки лист с нарисованной рамкой. Внутри требовалось написать несколько слов о семье и приклеить фотографию. Лист выдавали ещё на подготовительных занятиях; теперь он нашёлся между раскраской и инструкцией от настольной игры.

— Это обязательно? — спросил Александр.

— Нет. Но я хочу.

Она выбрала снимок у воды: они втроём на причале, Соня без переднего зуба, Полина щурится, Александр смотрит в сторону. Он предложил другой, где все смотрели в объектив. Дочь сказала, что тот скучный.

На столе появились клей, фломастеры, ножницы с закруглёнными концами. Полина сидела рядом с ноутбуком, но закрыла его, когда Соня попросила написать, как называется её работа.

— Я придумываю пространства для выставок и событий, — сказала она.

Соня нахмурилась.

— Это не влезет.

— Можно «художник по пространству».

— А почему ты тогда не рисуешь людей?

Полина подумала, взяла чистый лист и нарисовала прямоугольник комнаты. Поставила посередине маленькую точку.

— Это человек. Я думаю, что он увидит, когда войдёт. Где захочет остановиться. И не стукнется ли о то, что я придумала.

Соня хихикнула. Решила написать «делает выставки».

— А папа делает детали, — сказала она.

— Папа руководит компанией, где делают детали, — поправил Александр.

Дочь подняла голову.

— Сам не делает?

— Сейчас почти нет.

— Тогда я напишу, что ты начальник.

— Можно.

Он представил лист на стенде: мама делает выставки, папа начальник. Ему захотелось объяснить точнее, но Соня уже выводила буквы. Внизу оставалось свободное место.

— У нас ещё тётя Лариса есть. И Борис со Светой. Они семья?

— Лариса — да, — сказала Полина. — Борис и Света наши друзья.

— А если я хочу и их?

— Тогда нарисуй тех, кто тебе важен.

Дочь взяла оранжевый фломастер. Александр встал за водой и увидел на экране своего телефона письмо Варвары. Вопросы пришли поздно вечером, он не успел открыть.

«В анкете указано, что вы женились в двадцать один год. Правильно ли я понимаю, что речь о первом браке? В материале достаточно формулировки о нынешней семье, но хочу избежать неверной хронологии».

Внизу был ещё вопрос: «Вы сказали, что раньше хотели нравиться людям. Что изменилось в вашем понимании ответственности? Можно ответить на примере рабочего решения».

Можно. Она специально оставляла выход.

— Пап, а до меня у тебя была семья? — спросила Соня.

Он повернулся.

Полина смотрела на дочь. Та продолжала рисовать Ларисе волосы; вопрос, похоже, не был заготовлен.

— Была. Я был женат раньше.

— На другой маме?

— На другой женщине. Твоей мамой всегда была Полина.

Соня подумала.

— А где она?

— Живёт своей жизнью.

— Она тебя выгнала?

Александр сел. Стул скрипнул слишком громко.

— Мы разошлись. Я тогда поступал плохо. Часто обманывал её.

— Что говорил?

Он встретился глазами с Полиной. Она не подсказывала.

— Говорил, что меня нет дома из-за работы, когда был в другом месте.

Соня перестала рисовать.

— А почему не говорил про другое место?

У него не было подходящего для шести лет объяснения, которое не было бы одновременно оправданием. Он провёл пальцем по краю стола.

— Потому что знал, что ей будет больно. И хотел всё равно делать по-своему.

Дочь посмотрела на него долго, потом на мать.

— А сейчас ты говоришь?

— Да, — сказал он. — Стараюсь говорить правду, даже когда мне неприятно.

Соня кивнула и снова взялась за фломастер. Для неё разговор, кажется, закончился. Александр остался сидеть, пока она не попросила его подержать угол фотографии: бумага сворачивалась и не хотела приклеиваться.

Глава 10. Не справка о переменах

Вера предложила созвониться в воскресенье после пяти. Александр увидел сообщение и почувствовал облегчение. Сам он просил только подтвердить, что фотографии убраны; разговор предложила она. Это казалось знаком, хотя он ещё не знал каким.

В пять ноль две она позвонила.

— У тебя есть десять минут?

— Конечно.

Он вышел на лестничную площадку. Полина с Соней смотрели фильм; из квартиры доносились музыка и голос дочери, повторяющей за персонажем.

— Я не хочу обсуждать твою жизнь с журналистами, — сказала Вера. — Это первое. Если попросят мой комментарий, я откажусь. Мой телефон им не передавай.

— Не буду. Я уже попросил удалить всю личную подборку.

— Спасибо. Второе: мне прислали твою подводку. Там было «сохранил семью». Если это останется, я не хочу потом объяснять общим знакомым, что я в ней означаю.

— Это уберут. Я ещё до фотографии попросил.

— Хорошо.

Она помолчала. Александр стоял у окна, которое открывалось только на несколько сантиметров. На стекле остался след ладони неизвестного человека, большим пальцем вниз.

— Ты что-то ещё хотела сказать? — спросил он.

— Да. Не рассказывай про наш разговор тогда в кафе так, будто я тебя простила и всё закончилось правильно.

Он почувствовал, как сжались плечи.

— Я не собирался.

— Я не знаю, что ты собирался. Поэтому говорю заранее.

— Понимаю.

— Ты можешь рассказывать о своих поступках. Но не придумывай за меня, чем они для меня закончились.

Вера говорила спокойно. Ему хотелось, чтобы в голосе появилось раздражение: тогда можно было бы ответить на него, попросить не считать его прежним. Спокойствие не давало подходящего края, за который можно ухватиться.

— Соня вчера спросила про мой первый брак, — сказал он.

Вера ничего не ответила.

— Я сказал, что обманывал. Без подробностей.

— Саша, зачем ты мне это рассказываешь?

Он посмотрел на своё отражение в стекле. Бледная половина лица легла на ветки во дворе.

— Наверное, хочу, чтобы ты знала, что я не делаю вид…

— Я не должна это проверять.

— Да.

Внизу хлопнула дверь подъезда. Кто-то пошёл вверх, Александр отступил, пропуская соседку с пакетом земли для цветов. Они поздоровались жестами.

— Я не хочу быть человеком, которому ты приносишь справки, что изменился, — сказала Вера. — Ни плохие, ни хорошие. Я попросила только не использовать мою жизнь без меня.

— Ты права.

Слова дались легко и ничего не исправили. Он понял это по тому, как самому захотелось добавить объяснение. Не добавил.

— Я проверю окончательный материал в той части, где ты могла бы быть узнаваема, — сказал он. — Попрошу убрать.

— Не обещай мне то, что решает редакция. Попросить можешь.

— Попрошу.

Она выдохнула.

— Вот и всё. Спасибо, что ответил.

После звонка Александр ещё несколько минут стоял у окна. Когда вернулся, Соня подняла край пледа, приглашая сесть. Он устроился между ней и подлокотником. Полина коротко посмотрела на него и снова на экран.

Герой фильма куда-то опаздывал, все смеялись. Александр не понимал, что произошло до его прихода. Он не стал просить пересказать.

Глава 11. Условие в середине страницы

Представитель покупателя оказался человеком в мягком сером пиджаке, который всё время забывал, куда положил ручку. Его звали Роман Валерьевич. Он не пытался выглядеть владельцем чужого будущего: сам придвинул стул, спросил, можно ли подключить ноутбук, извинился за переходник. Это располагало сильнее, чем дорогие часы.

На встрече были Марк, Лев и Александр. Других участников сделки пока не звали: обсуждали устройство перехода, а не принятую цену.

— Мы заинтересованы в действующей команде, — сказал Роман. — Не хотим покупать одно, а на следующий день получить другое.

— Команда не входит в состав оборудования, — заметил Лев.

— Поэтому и обсуждаем условия с людьми.

Он улыбнулся. Лев улыбаться не стал.

Роман показал предполагаемый план на год. Александр слушал, задавал вопросы, отмечал, где цифры опираются на слишком ровный спрос. До разговора о личных условиях всё оставалось понятным. Потом на экране появилась страница с несколькими абзацами, и его фамилия снова оказалась рядом с суммой.

Часть выплаты предлагали связать с тем, что он останется генеральным директором на оговорённый срок и компания достигнет показателей. Детали ещё требовалось обсуждать. Ничего необыкновенного в этом не было; Александр знал подобные конструкции. И всё же утренняя мысль «я смогу уйти» внезапно стала стоить значительно меньше вчерашней суммы.

— Если я не готов обещать два года? — спросил он.

— Тогда будет другой вариант оценки и расчёта. Мы его тоже можем посчитать.

Марк открыл конверт, положил рядом со своей копией. Александр не посмотрел на него.

— Посчитайте, пожалуйста.

Роман записал. Несколько секунд не мог найти ручку, которая лежала под ноутбуком. Лев подвинул ему свою.

Под конец встречи разговор вернулся к журналу.

— Хорошая площадка, — сказал Роман. — Их читают те, кому мы потом будем объяснять сделку.

— Сделки пока нет, — напомнил Александр.

— Конечно. Я про репутацию компании вообще.

Марк спросил о сроках номера. Александр ответил, что не знает: сначала нужно увидеть текст.

— Нам показали предварительный план, — сказал Роман. — Руководитель, который прошёл путь изнутри, вырос вместе с компанией, сохранил личную опору. Это звучит убедительно.

— Последнюю часть мы убираем.

Роман поднял глаза.

— По какой причине?

Александр почувствовал то же мгновенное раздражение, что при вопросе Веры. Хотелось ответить: потому что не ваше дело. И спрятать за справедливой границей тот факт, что удобная биография уже работала на него.

— Она недостоверна, — сказал он.

Роман кивнул, не уточняя.

— Тогда лучше заменить на что-то точное.

Он произнёс это без угрозы. Встреча закончилась, люди собрали бумаги, Лев забрал ручку. Ничего не случилось. Александр, проводив гостя, вернулся в пустую переговорную и

долго смотрел на страницу с двумя вариантами его возможного ухода. Никто не запретил ему рассказывать правду. Ему просто показали, сколько удобства содержалось в другом рассказе.

Глава 12. Потолок

Полина привезла из другого города кусок старой штукатурки. Показала Александру вечером в понедельник: белый неровный обломок лежал в прозрачном пакете, будто улика.

— Это с потолка?

— Со стены. Потолок я тебе сфотографировала.

Они сели на пол в её рабочей комнате. Соня гостила у Ларисы; та сама предложила вечер и предупредила, что завтра не сможет. На столе было мало места, поэтому Полина разложила план на ковре. Александр придерживал угол чашкой для карандашей.

Потолок оказался не ужасным, а сложным: под поздними панелями скрывались высокие балки, часть которых можно было открыть. Между ними проходили коммуникации. Полина хотела оставить видимой историю здания, но не превращать её в декорацию старости. На плане возникали проходы, скамьи, место, где человек мог стоять без билета и смотреть на воду.

Александр слушал. Иногда спрашивал про стоимость, иногда ловил себя на том, что ищет в каждом ответе причину, почему проект не сойдётся и ехать не понадобится. Полина заметила второй такой вопрос раньше него.

— Тебе правда интересно, как мы решим отопление?

Он посмотрел на фотографию трубы.

— Отчасти.

Она засмеялась, но лист отложила.

— Скажи остальную часть.

— Мне хочется, чтобы ты сама сказала: всё слишком сложно.

Полина потёрла ладонью колено. На брюках осталась светлая пыль от образца.

— Сложно будет. Только мне кажется, ты хочешь услышать, что сложно до невозможности.

— Да.

Он ожидал, что признание принесёт облегчение. Полина смотрела на него без улыбки, и легче не стало.

— Я не смогу каждый раз сначала утешать тебя, а потом рассказывать, что у меня получилось, — сказала она. — Я тогда перестану рассказывать.

Александр кивнул. Чашка на углу плана дрогнула: он задел бумагу коленом.

— Давай я сначала посмотрю. Без расчёта, почему нельзя.

— Ты не обязан любить моё предложение.

— Я хочу понять, что любишь в нём ты.

Она долго молчала. Потом показала место возле бокового входа. Там хотела сделать небольшую комнату с низким светом и простыми деревянными столами. Днём там смогут собираться люди, вечером — работать приглашённые художники. Столы каждый раз надо будет переставлять; Полине нравилось, что пространство нельзя закончить один раз навсегда.

— Я привыкла отдавать объект, — сказала она. — Сделали, сняли, уехали. А тут я увижу, где ошиблась. Люди придут второй раз. И третий. Мне давно этого хотелось.

Он вспомнил, как пять лет назад она показывала ему свет от маленького окна. Тогда спрашивал, можно ли приехать после открытия. Она сказала: если ей самой захочется вернуться. Теперь ей хотелось остаться.

Александр убрал чашку с плана и расправил загнувшийся край.

— Поехали смотреть вместе? — спросил он. — С Соней. В выходные, если там можно.

— Можно. Только не как комиссия.

— Я постараюсь.

Полина коснулась его щеки. Он повернулся, поцеловал её ладонь, потом притянул ближе. Она села рядом, оставив между ними план. Несколько минут они целовались, осторожно, словно после долгой размолвки, которой ещё не было. Потом Полина рассмеялась: обломок штукатурки высыпался из незакрытого пакета и колол ей ладонь.

Александр собрал крошки. Большой кусок оставил на столе. Он ещё не знал, как они решат вопрос с поездками, но впервые за эти дни сумел представить место, ради которого она собиралась уехать.

Глава 13. Чья работа

Варвара расшифровывала запись дома. Окно выходило на стену соседнего здания, и после шести вечера лампу приходилось включать даже летом. Сначала она работала в редакции, но там непрерывно обсуждали чужие интервью. Человек мог ещё не успеть закончить фразу на записи, а за перегородкой уже решали, какой он.

На экране стояло: «Нравиться людям. Не всегда». Между двумя предложениями — полторы секунды. Она прослушала отрывок ещё раз. Собеседник улыбался, когда говорил это, она хорошо помнила. Потом предложил пример про сорванный срок.

Варвара не считала, что за каждым уклончивым ответом находится великая тайна. Чаще там находилась обычная усталость или нежелание объяснять постороннему то, для чего нет подходящего слова. Но здесь человек сам приоткрыл дверь, дождался, пока она посмотрит, и заговорил о другом.

Редактор написал: «Нужен нерв. Он сейчас слишком правильный. Есть цена успеха?»

Варвара посмотрела на папку с удалёнными из проекта фотографиями. Самих файлов там уже не было; оставалась пометка о запрете использования. Она ответила: «Есть работа и люди, которые её делают. Семейную драму из предположений не собираю».

Редактор поставил палец вверх. Этот знак мог означать и согласие, и «посмотрим, что ты сдашь».

Внизу списка вопросов осталось сообщение Александра: «Хочу обсудить структуру материала». Варвара предложила созвониться утром. Он ответил, что может в девять, до встреч.

Она закрыла расшифровку и открыла заметки с производства. Там было гораздо больше жизни. Антон не хотел фотографироваться возле станка, на котором уже не работал. Дарья отвела её от стенда и объяснила, почему старый снимок ничего не говорит о нынешней должности. Мельников спросил, можно ли не изображать прогулку начальника по цеху, если начальник в это время занят настоящим делом.

Варвара начала с этой сцены. Человек, который отказывается играть собственную работу, пока другой наверху готовится рассказывать свою биографию. Сравнение было слишком красивым. Она стёрла вторую половину и оставила Мельникова, его вопрос, стук за стеной. Ему не требовалось служить символом для другого человека.

Утром Александр позвонил в девять ровно.

— Я хотел бы увидеть весь текст до публикации, — сказал он.

— Вы увидите цитаты и фактическую часть, как договаривались. Мы можем обсудить спорные места. Но я не обещала согласование каждой оценки.

— А если оценка про мою семью?

— У меня нет оценки вашей семьи.

Он помолчал.

— Мне кажется, я веду себя так, будто вы собираетесь написать то, чего ещё нет.

— Да, — сказала Варвара. — Это усложняет разговор.

Ей показалось, он усмехнулся. Потом спросил, можно ли вернуться к одной фразе из записи. Варвара открыла файл, нашла место. За стеной включили дрель. Она перешла на кухню, прижала телефон плечом и взяла ручку.

В ту минуту ей не было интересно, станет ли этот человек лучше. Ей было интересно, сможет ли он закончить собственное предложение.

Глава 14. Необходимое уточнение

Александр попросил включить запись снова.

Он сидел в своём кабинете до начала рабочего дня. В окне отражались пустой стол и рука с телефоном; за стеклом грузчик снимал с машины защитный тент. Объяснение, которое ночью казалось ясным, теперь распадалось на ненужные подробности.

— В анкете неправильно указан семейный путь, — начал он.

— Это мы уже исправили.

— Я понимаю. Но дело не только в анкете. В разговоре я сказал про ответственность и привёл удобный пример.

Варвара не торопила. В тишине было слышно, как он дышит.

— В первом браке я изменял, — сказал Александр. — Не один раз. Это было частью того, как я жил. Жена не знала о многом, потому что я врал. Потом мы развелись.

Произнеся, он почувствовал почти физическое желание добавить, сколько лет прошло. Назвать нынешнюю жену, дочь, годы верности. Он прижал ладонь к столу.

— Я не хочу, чтобы это выглядело как история о трудностях, которые мы вместе преодолели. Не преодолели. Мы расстались.

Варвара спросила:

— Вы хотите, чтобы этот ответ вошёл в материал?

— Пока не знаю. Хочу, чтобы вы не строили остальное на противоположном представлении.

— Я не строила. Но понимаю, зачем вы говорите.

Он услышал в трубке короткий металлический звук — будто чашку поставили на край раковины.

— Это связано с вашей работой? — спросила она.

— Некоторые поступки были связаны. Но прежде чем рассказывать, надо подумать, не расскажу ли я заодно чужую жизнь.

— Подумайте. Сегодня не нужно.

Александр посмотрел на часы. До первой встречи оставалось двадцать две минуты. Можно было закончить, почувствовать, что сделано важное, и пойти работать.

— Вы спросите бывшую жену?

— Если в тексте появятся конкретные утверждения о ней, мне придётся решать, как их проверять. Но я не собираюсь искать человека только для того, чтобы он подтвердил ваше раскаяние. Сейчас у меня нет такой задачи.

— Она не хочет разговаривать с прессой.

— Тогда не передавайте контакт. И не обещайте от моего имени, что я напишу или уберу.

Он улыбнулся: Вера сказала почти то же самое.

— Хорошо.

Варвара предложила вариант: оставить материал о компании, точно указать нынешнюю семью, не включать исповедальную часть вообще. Это не делало интервью ложным, если они уберут общие выводы о его нравственном пути.

Александр неожиданно почувствовал разочарование. Он только что произнёс вслух то, что годами оставалось за закрытой дверью, а ему предложили просто не превращать это в публикацию. Как будто признание не обязательно должно было принести результат.

— Давайте сначала так, — сказал он.

После звонка открыл письмо Романа с расчётом двух вариантов. Разница оказалась больше, чем он ожидал. В одном случае покупали долю и его дальнейшую работу. В другом — только долю, с отдельными договорённостями о передаче дел.

Он переслал письмо своему юристу, с которым собирался проверить личные условия независимо от компании. Написал три вопроса, потом четвёртый: что именно будет зависеть от решений, которые он сам не контролирует.

Уже перед выходом к Мельникову набрал Полине: «Сегодня утром поговорил с журналисткой честнее. Не знаю пока, нужно ли из этого делать текст. Вечером расскажу».

Перечитал и удалил слово «честнее». Получалось, что он сам выдавал себе оценку. Отправил: «Вернулся к разговору про прошлое. Непросто. Хочу вечером рассказать тебе, как было».

Глава 15. Место у окна

В поезде Соня хотела сидеть у окна. Потом выяснилось, что солнце светит прямо в глаза, и она попросилась к проходу. Через десять минут соскучилась по окну. Полина предложила опустить шторку. Соня опустила так низко, что перестала видеть вообще что-либо, рассердилась и повернулась к отцу.

— А зачем мы едем?

— Смотреть место, где мама может работать, — сказал он.

— Она и дома работает.

— Здесь будет другая работа.

Соня стала отрывать бумажную полоску от бутылки. Александр забрал полоску, прежде чем она раскрошилась на столике.

— И мы там будем жить?

Полина положила книгу.

— Пока не знаем. Сегодня посмотрим город, здание и квартиру, которую предлагают мне на время.

— А моя комната?

— Останется дома.

— А ты?

Полина не ответила сразу. Александр смотрел в окно через узкую щель под шторкой. Полоса леса двигалась, дрожала, между деревьями мелькала вода.

— Если соглашусь, буду жить там часть времени. И приезжать. И вы сможете приезжать.

Соня крепче взяла бутылку.

— Я не хочу, чтобы ты часть времени.

Полина подвинулась ближе.

— Понимаю.

— Тогда не надо.

Александр почувствовал, как легко сейчас было бы взять дочь за плечи и промолчать вместе с ней. Не сказать ни одного запрещающего слова, просто позволить её маленькому горю выполнить взрослую работу.

Он отложил оторванную полоску.

— Нам тоже будет тебя не хватать, — сказал он Полине. Потом повернулся к дочери. — Мы будем придумывать, как видеться. И как ты будешь ходить в школу. Это должны решить мы с мамой, не ты.

— А если плохо решите?

— Тогда будем менять.

Соня смотрела недоверчиво. Взрослые любили говорить про «потом» именно тогда, когда она хотела сейчас. Через минуту попросила достать бутерброд, хотя завтракала совсем недавно.

Полина распаковала еду. Уронила нож для масла и долго искала под сиденьем. Александр хотел помочь, она махнула рукой: достала сама.

Когда дочь увлеклась игрой, Полина спросила тихо:

— Тебе полегчало, что она против?

Он не стал делать вид, будто не понял.

— На секунду.

Полина кивнула.

— Мне было страшно, что да.

— Я не буду через неё решать.

— Я услышала. Спасибо.

Он коснулся её запястья. Не хотелось, чтобы благодарность сделала его героем разговора, в котором она только что услышала от дочери «не надо».

До города оставалось больше двух часов. Полина открыла книгу, Соня придвинулась к окну и подняла шторку на ладонь. Александр достал блокнот, в котором обычно записывал рабочие вопросы. Написал дни недели. Не стал сразу распределять по ним людей. Сначала посмотрел на даты, на короткую дорогу между двумя субботами. Дочь задела его локтем и спросила, почему везде деревья одинаковые.

— Они разные, — сказал он.

— Тогда почему так быстро?

Он не нашёл ответа, который объяснял бы ей то, что она на самом деле видела.

Глава 16. Здание без посетителей

Город встретил их ветром. На вокзале Соня потеряла заколку, Александр вернулся за ней в вагон и едва успел до закрытия дверей. Полина ждала на перроне с двумя сумками. Когда он показал белую пластиковую бабочку, дочь обрадовалась, словно он привёз что-то из дальней поездки.

У культурного центра уже ждали. Директор провёл их через боковую дверь: парадную лестницу разбирали, возле неё стояли ограждения. Полина сразу ушла вперёд, заговорила с инженером и забыла снять куртку.

Александр остался с Соней в большом пустом зале. Окна выходили на реку. Внизу гудел прогулочный катер; капитан махнул кому-то на берегу, и Соня помахала в ответ, не дожидаясь, заметят ли её.

— Здесь будет выставка? — спросила она.

— И выставка тоже.

— А сейчас ничего.

Он хотел объяснить про замысел, но дочь уже побежала к другой стене, считая шаги. На пятнадцатом сбилась и начала заново.

Полина вернулась с рулеткой. Попросила Александра подержать конец возле колонны. Он взялся слишком высоко, пришлось опустить. Инженер смотрел в план, Полина называла размеры. Здесь не имело значения, что у Александра компания и предложение о продаже доли. В эту минуту от него требовалось не отпускать металлическую ленту.

— Ещё десять сантиметров, — сказала Полина.

— Так?

— Да. Держи.

Он держал. Соня села у стены на сложенную куртку, рассматривала камешек, подобранный на улице. Через открытую дверь тянуло пылью.

В углу возник спор о подвесе. Подрядчик объяснял, что крепление уже предусмотрено, менять поздно. Полина попросила показать, как будет проходить обслуживание. Мужчина достал телефон, пролистал фотографии, начал снова объяснять. Она слушала, потом позвала директора.

— Мы можем оставить это решение, — сказала она. — Но тогда вот эту часть программы убираем. Люди не смогут безопасно перестраивать пространство в течение дня. Это будет другой зал.

Она не повышала голоса. Александр видел по лицу подрядчика, как тот ищет способ закончить разговор привычным «потом разберёмся». Директор спросил о цене изменения. Полина назвала диапазон и добавила, что точный расчёт даст инженер.

Через двадцать минут решение перенесли на понедельник, с перечнем данных. Ничего не было спасено одним ярким жестом. Но когда они вышли, Александр понял, что она уже работает здесь — даже без подписанного согласия на полгода.

Квартиру им показала женщина с маленькой связкой ключей. Две комнаты, белая кухня, окна во двор. До центра пешком восемнадцать минут. Соня проверила шкафы, нашла пустую коробку от обуви и спросила, можно ли оставить её для игрушек.

— Мы ещё не решили, — напомнила Полина.

— Я знаю. Просто если.

Женщина разрешила. Александр подошёл к окну. Снизу поднимался мальчик с самокатом; тащил его по ступенькам, хотя рядом был пологий въезд.

— Ну как? — спросила Полина, когда хозяйка ушла в коридор отвечать на звонок.

— Я бы здесь не выбрал жить, если бы приехал просто так.

Она усмехнулась.

— Честно.

— Но понимаю, почему ты выбрала бы.

Полина посмотрела на реку между домами. Здесь она была видна узкой полосой.

— Мне нужно ещё проверить условия. И решить, не вру ли я себе про полгода. Они могут попросить больше.

— А ты можешь захотеть больше.

Она медленно повернулась к нему.

— Могу.

Он кивнул. Соня позвала их смотреть коробку. Внутри нашлась забытая зелёная пуговица; теперь дочь пыталась понять, можно ли взять и её.

Глава 17. Ночь в незнакомом городе

В гостинице им дали номер с дополнительной кроватью, которая раскладывалась со звуком старой двери. Соня потребовала проверить, не складывается ли обратно сама. Александр сел на край, потом лёг. Кровать выдержала. Дочь осталась довольна испытанием и попросила его переселиться уже на свою.

После ужина они гуляли по набережной. Полина показывала вход с воды, где летом будет небольшая сцена. Уличный музыкант играл слишком громко, Александр почти не слышал её слов. Он подошёл ближе; она заговорила ему в самое ухо, и он неожиданно вспомнил первые месяцы их знакомства. Тогда её близость всегда казалась событием. Теперь он мог целый день находиться рядом и не заметить, как она пахнет после ветра.

Соня устала раньше, чем призналась. Сначала стала спотыкаться, потом предложила вернуться, потому что «вам же завтра рано». До гостиницы Александр нёс её на спине. Она тяжело дышала ему в затылок и всё ещё пыталась доказывать, что не спит.

В номере Полина сняла с дочери кроссовки. Соня пробормотала, что коробку надо поставить дома возле стола, и уснула с рукой под щекой. Они сели в маленьком коридоре у входа, где свет не падал на кровать.

Александр рассказал про разговор с Варварой. Про Веру, про своё разочарование, когда выяснилось, что признание может не войти в текст.

Полина слушала, прижав колени к груди. Потом спросила:

— Тебе хотелось, чтобы напечатали?

— Мне хотелось, чтобы стало понятно, что я не скрываю.

— Кому?

— Всем. Наверное, покупателю тоже. Чтобы потом не выглядело, что я специально сделал красивую картинку перед сделкой.

— А если сделки не будет?

Он подумал.

— Тогда всё равно хотелось бы.

— Чтобы признали, что ты смелый?

Он потёр лицо.

— Возможно.

Полина откинулась к стене. В коридоре за дверью прошли люди; один остановился, не попадая карточкой в замок. Они замолчали, пока шаги не стихли.

— Я не могу сказать, что лучше для статьи, — сказала она. — Мне не нравится только, что там обязательно должна случиться твоя победа. Даже когда речь о том, кому ты сделал больно.

Александр хотел возразить. Вместо этого посмотрел на светлую полоску под дверью ванной. Ему было тридцать шесть, он научился выдерживать сложные разговоры, но по-прежнему ждал, что в конце появится хоть что-то, что можно унести с собой как подтверждение собственной ценности.

— А ты знаешь, как иначе? — спросил он.

Полина пожала плечами.

— Иногда сказать и не получить ничего. У меня бывает.

Он взял её за руку. Она придвинулась, положила голову ему на плечо. Из номера доносилось тихое сопение Сони.

— Я не хочу жить на расстоянии, — сказал Александр. — Но сегодня я увидел твою работу и не хочу, чтобы ты её потеряла.

— Я тоже не хочу жить на расстоянии.

— Тогда как?

— Завтра начнём считать. По-настоящему. Без слов «как-нибудь».

Полина поцеловала его. Он почувствовал сухие от ветра губы, положил ладонь ей на затылок. На мгновение захотелось убедить себя, что близость уже всё решила. Потом дочь заворочалась, они отстранились и прислушались.

Соня не проснулась. Полина тихо рассмеялась.

— Пойдём спать. Считать завтра.

Александр выключил свет в коридоре. В темноте нашёл её руку, чтобы провести мимо раскрытого чемодана.

Глава 18. Без последнего абзаца

Черновик пришёл в понедельник утром. На этот раз фотография была другая: Александр стоял у переговорного стола и слушал кого-то за краем кадра. Руки в карманы не прятал. Одна лежала на спинке стула, вторая держала карандаш.

Заголовок ещё не выбрали. В начале Варвара рассказала про Мельникова, который отказался повторять проход по цеху ради съёмки. Затем — про компанию, про решение не строить общую площадку, про условия, на которых люди соглашались брать ответственность. Александр появился только в четвёртом абзаце. Он перечитал начало и понял, что ему это нравится меньше, чем следовало бы.

В конце стояла его фраза: «Я стал иначе понимать цену обещаний».

Следом — маленький абзац о семье: женат вторым браком, растёт дочь. Никакого рассказа о том, как прошлое привело его к настоящему. Никакой справки о том, кем он стал.

Он написал Варваре: «Фразу про цену обещаний можно убрать? Слишком законченно звучит».

Она ответила: «Можно. Там и так хватает примеров. Факты остальное проверили?»

Александр открыл документ заново. Нашёл неточность в годе запуска операции, попросил уточнить роль Антона: не вся подготовка шла под его руководством. В одном месте слишком коротко описали причину ухода Володи; он написал, что не вправе объяснять её за самого человека. Исправления заняли полчаса.

Марк позвонил после обеда.

— Видел текст. Он сдержаннее, чем я ожидал.

— Это плохо?

— Для сделки — не знаю. Для тебя, возможно, нормально.

— Не будем использовать его как мою характеристику для покупателя.

Марк помолчал.

— Они сами решат, как прочитают.

— Я про то, как будем представлять мы.

— Хорошо.

Потом разговор перешёл к цифрам. Покупатель прислал уточнения, юрист Александра — первые замечания. Никакого решения ещё не было. Вариант без двухлетнего обязательства оставаться стоил меньше, но теперь Александр хотя бы понимал, за что именно ему предлагали разницу.

Вечером они с Полиной открыли календарь на большом экране. До этого поговорили с Ларисой и не включали её в схему дальше тех дней, которые она сама предложила. Нашли человека, которого могли пригласить помогать Соне после школы, договорились сначала познакомиться. Посмотрели поезда. Посчитали не только деньги, но и часы, в которые ребёнок будет ждать у двери.

На листе осталось несколько пустых мест. Одно — напротив первого школьного собрания. Другое — в неделе, когда у Александра мог начаться переходный этап сделки. Третье никак не удавалось назвать: это было время, когда оба хотели бы оказаться в одном доме без необходимости заранее назначать вечер.

— Я могу начать с двух месяцев, — сказала Полина. — С понятной датой пересмотра условий. Спрошу, согласятся ли. И с правом не продлевать, если программа будет другой, чем сейчас обещают.

— А если не согласятся?

— Тогда снова подумаю. Но это уже будет мой вопрос, а не наша догадка.

Александр кивнул. Соня вошла с коробкой из другой квартиры. Поставила между ноутбуком и календарём.

— Вы пуговицу потеряли? — спросила она.

Они поискали под столом, в коробке, в кармане её куртки. Зелёная пуговица обнаружилась в ботинке, куда дочь положила её в поезде, чтобы не забыть. Соня обрадовалась и ушла складывать вещи для школы.

Полина закрыла календарь не сохранив, затем испугалась, открыла снова. Изменения остались. Они засмеялись с неожиданным облегчением.

Александр взял телефон. От редакции пришло последнее уточнение: подпись к портрету. «Генеральный директор и совладелец компании Александр…» Дальше стояла фамилия, должность, ничего больше.

Он подтвердил.

Потом положил телефон рядом с календарём и увидел, что Полина уже пишет письмо о двух месяцах. Ему снова захотелось заглянуть через плечо, помочь сформулировать так, чтобы ей точно согласились. Он остался на своём месте.

— Послушаешь, когда допишу? — спросила она.

— Да.

За дверью Соня рассыпала карандаши и громко объявила, что соберёт сама. Полина продолжала печатать. Александр сидел рядом, не зная ни ответа на письмо, ни исхода сделки, ни того, как они будут жить осенью. Впервые за эту неделю ему не требовалось немедленно превратить незнание в обещание.

Глава 19. Право передумать

В культурном центре ответили через два дня. Два месяца их не устраивали. Директор написал вежливое письмо, объяснил, как понимает работу первого сезона, и предложил созвониться.

Полина прочитала письмо в автобусе. На остановке вышла раньше, чем нужно, и дальше пошла пешком. Ей хотелось домой с хорошей новостью. Принести срок, который позволял всем немного привыкнуть, получить согласие Александра без его усилия над собой, сказать дочери, что осень будет короткой. Теперь выяснилось, что её удобная формулировка другой стороне не подходит.

Она позвонила Кате. Та выслушала и спросила, чего именно они не принимают: короткий договор или саму возможность вернуться к условиям.

— Пока не знаю.

— Тогда узнай. Может, вы спорите о разных вещах.

Полина остановилась у витрины закрытого магазина. В отражении за её спиной шли люди, спешили к остановке. Она выглядела так, будто кого-то ждала.

— Я боюсь, что сейчас начну соглашаться, лишь бы не потерять, — сказала она.

— Можешь начать. Только сначала напиши себе, чего не обещаешь. Не им, себе.

Вечером Полина положила перед собой лист. Написала: постоянное присутствие шесть дней в неделю; замена технического руководителя; ответственность за задержки чужих подрядчиков; продление по умолчанию. Вычеркнула последнее и написала точнее: «Не буду делать вид, что полгода не изменят нашу жизнь».

Эту строку в деловое письмо включать не собиралась.

Директор говорил по видеосвязи из маленького кабинета. Он выглядел уставшим, на окне за его спиной стоял стакан с отвёртками. Сначала объяснил про программу: первые два месяца уйдут на запуск, и если она уйдёт сразу после, новый человек не поймёт, почему пространство устроено именно так.

— Я не обещаю уйти через два месяца, — сказала Полина. — Но не готова сейчас обещать полгода без обсуждения режима. У меня ребёнок идёт в школу. Это не повод относиться к работе несерьёзно. Это условие, которое нужно учесть до начала.

Он кивнул и спросил, какой режим она может предложить. Полина показала расчёт: первый выезд дольше, потом определённые дни на месте, часть встреч дистанционно. Отдельно — недели, когда она сможет остаться до выходных. Не назвала ни одного человека, который «при необходимости подстрахует», если с ним ещё не договорились.

Разговор занял пятьдесят минут. Они не согласовали всё. Но директор предложил шестимесячный срок с конкретным пересмотром режима после запуска и заранее записанным порядком передачи дел, если сотрудничество закончится раньше. Полина попросила прислать проект, чтобы проверить каждую обязанность, а не соглашаться на услышанный пересказ.

Когда связь оборвалась, она долго не вставала. Из кухни донёсся стук: Александр убирал посуду. Полина вышла, рассказала, как прошло.

— То есть всё-таки полгода? — спросил он.

— Возможно. Но не шесть месяцев без права разговаривать о том, как мы живём.

Он положил полотенце на стол.

— Я надеялся на два.

— Я знаю.

— Мне надо заново это представить.

Полина кивнула. Ей тоже надо было. Она положила рядом с календарём свой лист. Последнюю строку прикрыла ладонью, потом убрала руку. Александр прочитал, ничего не сказал и подвинул ей стул.

Глава 20. Номер журнала

Материал вышел в четверг. Первой его увидела Ирина и прислала ссылку в общий рабочий чат. Следом появились поздравления, шутка Николая про звезду обложки и фотография печатного номера, который кто-то успел купить в киоске.

На обложке Александра не было. Главным героем номера стал другой человек, с совершенно другой компанией. Александр испытал короткое разочарование и тут же рассердился на себя: никто не обещал ему обложки, и сам он говорил, что не хочет торжественного портрета.

Он открыл статью на компьютере. Варвара убрала последний абзац, как договорились. Фактические исправления внесла. В тексте осталась одна фраза, которую он не запомнил на встрече: «Я долго считал, что если сумел договориться, значит, имею право так поступить». Она относилась к рабочей истории, и всё-таки Александр почувствовал, будто слова сказаны прямо о том, что он не разрешил публиковать.

Дарья вошла без ноутбука.

— Хороший материал, — сказала она. — Мельникова наконец не назвали вашим заместителем по всем вопросам.

— Он читал?

— Уже нашёл, где снимали старую операцию. Ему не нравится, что фотография выглядит новой. Попросил на сайте подпись уточнить.

Александр кивнул.

— Пусть напишет напрямую. Контакт дам.

Дарья села на край стула.

— И про Веру. Подборку я удалила отовсюду, откуда могла. Автор файлов подтвердил, что дальше не пересылал. Редакция тоже.

— Спасибо.

— Мне следовало проверить, прежде чем отправлять. Я думала о материале и сроке. Не о людях на фотографии.

Александр посмотрел на неё. Она не просила облегчить признание. Он постарался не отвечать привычным «ничего страшного».

— Да, следовало. Теперь будем проверять сразу.

Дарья кивнула и ушла.

Он вернулся к чату. В личные сообщения написали несколько давних знакомых. Один спросил, правда ли готовится продажа; другой предложил встретиться. Человек, которого Александр почти забыл, прислал: «Вот это я понимаю, правильный путь. Всё у тебя всегда получалось».

Он не ответил. Но сообщение сохранилось на экране дольше остальных.

Внизу статьи появились первые комментарии. Кто-то говорил, что компания ему знакома и сроки там действительно стали лучше. Кто-то не верил ни одному слову о нормальном управлении. Один читатель написал: «Ещё один сказочник, который без связей якобы поднялся».

Александр потянулся отвечать, остановился. Связи у него были. Люди, которые дали возможность, люди, которых он подвёл, люди, которые всё равно остались работать. Это не помещалось в удобный спор между «сам» и «по знакомству».

Он закрыл страницу. Через пять минут открыл снова.

Полина позвонила в обед.

— Прочитала. Мне понравился Антон.

— А я?

Она засмеялась.

— Ты тоже. Но про Антона я раньше этого не знала.

— Там всё-таки не слишком красиво про меня?

— Саша, я не знаю, насколько красиво нужно. Я прочитала статью про вашу работу. Мне было интересно.

Он услышал, как она открывает дверь, здоровается с кем-то. Разговор закончился. Статья осталась в интернете. Никакого окончательного суждения о человеке в ней не было, и никто не собирался выдать его отдельно по просьбе героя.

Глава 21. После первой встречи

Будущая учительница Сони носила широкое серебряное кольцо и всё время поворачивала его большим пальцем, когда слушала родителей. В классе пахло свежей краской. На подоконниках стояли пустые горшки: цветы ещё не принесли после ремонта.

Собрание было коротким. Объяснили, что покупать, когда прийти первого сентября, как подписывать вещи. Александр записывал в телефон. Полина спросила про возможность заранее познакомить ребёнка с человеком, который иногда будет забирать её после уроков. Учительница ответила спокойно, перечислила, какие данные ей потребуются.

За спиной кто-то шепнул: «Няня, значит». Александр почувствовал мгновенное желание обернуться и объяснить, что они не собираются отдавать дочь чужим людям на целые дни. Не обернулся. Соня сидела за первой партой с двумя девочками и сравнивала рисунки на пеналах.

После встречи к нему подошёл отец мальчика, которого он ещё не успел запомнить.

— Извините, вы же из журнала? Я сегодня утром читал.

Александр кивнул.

Мужчина назвал себя, протянул руку. У него была небольшая компания по поставкам крепежа. Сказал, что им, возможно, есть о чём поговорить, и достал телефон.

Полина в это время помогала Соне найти сменную обувь. Дочь засунула пакет под чужой стул и забыла. Александр видел их сквозь открытую дверь класса и одновременно слушал про складские остатки. Разговор был обычным, без скрытой попытки воспользоваться. Именно поэтому его было трудно оборвать.

— Можно я дам контакт коммерческого отдела? — спросил он. — Они посмотрят, что подходит.

Мужчина немного удивился, но согласился.

— А вы сами закупками не занимаетесь?

— Не всеми.

Они обменялись номерами. Александр записал рядом с именем: «Папа одноклассника Сони». От этой пометки стало неловко — ещё недавно он бы написал сначала название компании.

На улице Полина спросила, о чём говорили.

— Про крепёж.

— Я почему-то так и подумала.

— Долго?

— Мы успели найти обувь. Не очень.

Соня шла впереди, наступая на светлые квадраты плитки. Возле перехода остановилась.

— Меня будут забирать все по очереди?

— Мы заранее скажем, кто в какой день, — ответил Александр.

— А если забудете?

— Поставим напоминание. И учительнице скажем.

Соня повернулась к матери.

— Ты будешь на первое сентября?

— Буду.

— Точно?

Полина присела возле неё.

— Да. Эту дату я уже внесла в рабочий план.

Дочь обняла её за шею. Александр стоял рядом и смотрел на вывеску аптеки через дорогу. Он знал, что нельзя превращать этот жест в аргумент против поездки. И всё равно на секунду представил, как просто было бы сейчас сказать: «Вот видишь».

Вместо этого взял у Полины сумку с тетрадями. Пока переходили улицу, Соня держала их обоих за руки и пыталась идти, не попадая на белые полосы. Пришлось замедлиться. Машина у перехода терпеливо ждала.

Глава 22. Цена присутствия

Юрист предложила встретиться без представителей компании. Её звали Елена Викторовна; Александр работал с ней по личным вопросам и раньше, но сейчас впервые пришёл с бумагами, в которых его должность могла стать обязательством на два года вперёд.

— Вы хотите остаться? — спросила она, закончив читать.

— Хочу понять условия.

— Условия мы разберём. Но этот вопрос всё равно придётся решить отдельно.

Она разложила страницы. В первой версии многое было написано предварительно, некоторые определения противоречили друг другу. Елена показала места, где показатели зависели от будущих решений владельцев: расходов, новых проектов, распределения функций. Александр знал это и сам. Когда она соединяла строки в единую картину, знание становилось менее удобным.

— Это можно исправить? — спросил он.

— Часть — да. Часть можно только согласовать, понимая риск. Я не буду за вас решать, сколько стоит два года такой работы.

Он сидел с карандашом, впервые за долгое время не делая пометок. На столе у Елены лежала детская резинка в форме жука; он несколько раз посмотрел на неё, прежде чем понял, что смотрит на предмет, к делу не относящийся.

— У меня ощущение, что если выберу меньшую сумму, веду себя глупо, — сказал Александр.

— Меньшая сумма за меньший объём обязательств — не обязательно проигрыш.

— Я понимаю.

— Понимаете как руководитель. Сейчас полезно понять как продавец своей доли.

Они прошли по каждому пункту. К концу встречи появилась третья версия вопросов: часть выплаты сразу, отдельно обсуждаемый срок передачи дел, ясные границы того, за что он отвечает. Это ещё не было предложением, которое другая сторона примет. Но впервые Александр мог представить подпись, не чувствуя, что заранее пообещал больше, чем понял.

Из кабинета он позвонил Марку.

— Я хочу обсудить вариант без обязательства оставаться два года. И передачу дел отдельным соглашением.

Марк не ответил сразу.

— Они могут счесть, что ты уходишь при первой возможности.

— Тогда надо объяснить, что я предлагаю. Не изображать, что собираюсь оставаться навсегда.

— Ты и раньше не собирался навсегда.

— Раньше не приходилось говорить вслух.

Марк усмехнулся.

— Это да. Пришли вопросы. Но, Саша, учитывай: они могут вообще не захотеть покупать отдельную маленькую долю на таких условиях.

— Учитываю.

Разговор закончился. Он остался у дверей здания, держа телефон в руке. Никакого ухода не произошло: завтра снова надо было приехать к восьми тридцати и обсуждать загрузку. Шесть процентов оставались его. Большая сумма не лежала на счёте и не обещала решить осень.

Александр написал Полине, что задержится на двадцать минут, назвал новое время. Потом проверил маршрут. Получалось на тридцать пять. Стер сообщение, написал точнее.

По дороге зашёл в магазин за фруктами. Долго выбирал персики, понюхал один, вспомнил, как Соня не любит мягкую кожицу. Купил ещё яблок. В очереди перед ним мужчина громко говорил в телефон: «Я ради вас всё это делаю». Александр отвернулся к полке с батарейками и подождал, пока освободится касса.

Глава 23. Присутствующие

В пятницу они познакомились с женщиной, которая могла помогать Соне после школы. Её звали Тамара. Она пришла на пять минут раньше, сразу сняла обувь и спросила у дочери, куда поставить сумку, чтобы та не мешала.

Соня показала место возле шкафа. Потом спросила, сколько Тамаре лет.

— Пятьдесят восемь.

— А ты быстро ходишь?

— Когда надо. А ты?

Дочь задумалась. Александр ожидал, что дальше начнётся разговор, который придётся направлять, но Тамара сама спросила, что Соня обычно делает после обеда. Они сели за стол, разложили игру. Через десять минут выяснилось, что правила Соня объясняет так, чтобы выигрывать. Тамара заметила и предложила выбрать: либо по правилам из коробки, либо придумывают свои вместе, до начала следующей партии.

Александр стоял в дверях. Ему понравилось, что никто не произнёс «ну ладно, маленькая ещё».

Потом взрослые отдельно обсудили время, дорогу, оплату и запасной порядок на случай болезни. Полина записала дни, в которые сможет забирать сама. Тамара сказала, что по пятницам после четырёх недоступна. Александр машинально хотел спросить почему, но остановился: для их расписания было достаточно времени.

Договорились о двух коротких прогулках вместе, потом об одном пробном дне. Соня слушала с дивана и делала вид, что занята коробкой из другого города.

Когда Тамара ушла, дочь спросила:

— А она будет говорить, что я всё неправильно делаю?

— Почему ты так подумала? — спросила Полина.

— Она заметила про игру.

Александр сел рядом.

— Заметить — не значит всё считать неправильным. Ты же можешь сама сказать, если тебе что-то не нравится.

— А если ей не понравится, что мне не нравится?

Он посмотрел на Полину. Та присела на корточки перед дочерью.

— Тогда вы попробуете договориться. И нам расскажешь. Мы не исчезнем оттого, что рядом будет ещё один взрослый.

Соня провела ногтем по краю коробки.

— Мам, а почему ты всё-таки хочешь туда?

Полина села на пол. Рассказала про здание, про столы, которые можно двигать, про окна на воду. Соня слушала без особого восторга.

— Ты и здесь можешь стол двигать, — сказала она.

— Могу. Но мне хочется сделать место для многих людей. Чтобы они могли туда приходить. Я умею это и хочу попробовать большую работу.

— А меня больше хочешь?

Полина положила ладонь на диван рядом с её рукой.

— Я тебя очень люблю. Мне не нужно переставать любить работу, чтобы любить тебя.

Дочь нахмурилась. Это было трудное объяснение, и оно не обещало получить желаемое прямо сейчас.

Александр хотел помочь, добавить примеров. Полина едва заметно покачала головой. Он остался рядом, не заполняя тишину.

Через некоторое время Соня спросила, можно ли нарисовать вывеску для маминого здания. Полина сказала, что настоящую вывеску будут делать другие люди, но рисунок она обязательно возьмёт в свою комнату.

— Даже если криво?

— Даже если криво.

Соня принесла бумагу. Написала крупно «МАМИНА РАБОТА», потом зачеркнула первое слово: вспомнила, что туда будут приходить незнакомые люди. Полина смотрела, как дочь выбирает новое название, и не торопилась подсказывать.

Глава 24. Подпись

В день, когда Полина получила согласованный проект договора, у Александра сломалась машина. Ничего серьёзного: не завелась на стоянке, потребовалась диагностика. Он сидел за рулём, слушал длинные гудки сервиса и понимал, что не успеет забрать дочь с прогулки, если будет ждать эвакуатор сам.

Он позвонил Полине. Она была на встрече, ответила после четвёртого гудка.

— Я могу выехать, — сказала она. — Только мне нужно закончить один вопрос. Минут пятнадцать.

— Не надо. Я сейчас такси вызову. Машину Мельников попросил своего человека принять, там всё равно до вечера.

— Ты уверен?

— Да. Я звоню сказать, что успеваю. Просто приеду без машины.

Она тихо рассмеялась.

— Тогда хорошо. Вечером покажу договор.

У Сони во дворе оказался новый важный друг — мальчик, который умел кататься на заднем колесе велосипеда. Дочь попросила ещё десять минут. Александр согласился и сел на низкую ограду. Тамара стояла рядом; это была их вторая совместная прогулка.

— Она сначала молчит, потом всё рассказывает сразу, — заметила Тамара.

— Дома тоже.

— Я не буду торопить. Только вы ей заранее скажите, когда мама уедет. Не за день.

— Скажем.

Александр смотрел, как Соня объясняет мальчику, что тоже умеет трюк: отпускать одну руку. Мальчик ждал демонстрации. Она отпустила на полсекунды и едва не свернула в кусты. Взрослые одновременно сделали шаг, но дочь удержалась сама.

Вечером договор лежал на столе. Полина прочитала его ещё раз, отметила две мелкие неточности для исправления. Дата начала выезда — через три недели. На первое сентября она возвращалась, после — первый длинный рабочий отрезок.

— Я решила соглашаться, — сказала она.

Александр кивнул. Он знал, что решение близко. Всё равно внутри возникло детское желание попросить ещё сутки, хотя за сутки не появилось бы новой информации.

— Я буду скучать, — сказал он.

— Я тоже.

— И злиться иногда, наверное.

— Наверное. Я тоже. Давай говорить до того, как это превратится во всё остальное.

Она подвинула договор к себе. Подписывать собиралась после внесения исправлений, не сегодня. Но решение уже было принято, и Александр впервые увидел, что подпись часто появляется позже самого трудного действия.

Его собственное письмо оставалось без окончательного ответа. Роман подтвердил получение вопросов и предложил новую встречу через неделю. Покупатель ничего не отверг, ничего не принял. Александр по-прежнему управлял компанией, владел шестью процентами и не мог обещать себе никакой другой жизни к сентябрю.

— Ты хочешь ещё раз рассказать про свои условия? — спросила Полина.

— Хочу. Только сначала поедим. А то опять решим всё на пустой желудок.

Они принесли еду, позвали дочь. Соня появилась с рисунком: над дверью бывшего вокзала было написано «ЗДЕСЬ МОЖНО». Последнее слово не поместилось, две буквы спускались на боковую стену.

— А что можно? — спросил Александр.

— Ещё не придумала.

Полина положила рисунок рядом с договором. На бумаге дверь была распахнута, но внутри Соня ничего не нарисовала. Александр хотел спросить, почему пусто, и понял, что опять требует готового ответа от вещи, которая только начинается.

После ужина он мыл посуду, а Полина говорила по телефону с Ниной. Не шёпотом, как раньше, когда боялась, что радость покажется неуместной. Рассказывала о согласованных сроках, о человеке, которого нашли на техническую часть, о том, как придётся пересобрать ближайший монтаж.

Александр слышал её смех и чувствовал одновременно нежность и обиду. Ни одно чувство не отменяло другого. Он вымыл последний стакан, поставил его сушиться и пошёл в комнату искать Соню.

Она сидела на полу и раскладывала школьные принадлежности по карманам рюкзака. Он сел рядом. Дочь протянула ему жёлтую расчёску с грушей.

— Эту тоже надо подписать. Чтобы не перепутали.

Он взял тонкий маркер и спросил, где написать имя.

— Здесь, — сказала Соня. — Только маленькими. Она моя, но я не хочу, чтобы было видно издалека.

Глава 25. Свой экземпляр

Вера нашла конверт в почтовом ящике в субботу. Внутри лежала распечатанная фотография с красным стулом. На обороте знакомый написал: «Извини, что не спросил. Это тебе. Больше никуда не отправляю».

Она поднялась домой, не включая свет в коридоре. За окном ещё было светло. Снимок положила на стол, сумку — на стул. В распечатке цвета были почти такими, как в альбоме: жёлтая стена, красное сиденье, её светлая блузка.

Вера взяла телефон и написала: «Спасибо, что понял».

Ей предложили удалить исходник. Она ответила, что не нужно. Удалять весь вечер из общей памяти только потому, что кто-то неудачно придумал название файлу, ей не хотелось. Попросила лишь не пересылать без вопроса.

На снимке Александр стоял у окна и смотрел на неё. Вера раньше думала, что в сторону, за край кадра. Теперь, на увеличенной фотографии, направление взгляда стало яснее.

От этого ничего не переменилось в том, что было потом. И тот вечер не стал хуже. Она посидела, рассматривая тарелку у себя на коленях. Кажется, ела макароны с тёртым сыром. Кажется, сыр принёс кто-то другой. Столько вещей уже нельзя было вспомнить точно.

Вера не стала искать журнал. Если когда-нибудь захочется — найдёт. Сегодня ей надо было забрать из мастерской сумку с починенной ручкой, а после она собиралась встретиться с подругой. Они договорились пройти пешком до кинотеатра и купить билеты на месте, если останутся.

Она открыла альбом, чтобы убрать распечатку. Оказалось, на соседней странице отстал прозрачный уголок. Вера достала клей, подклеила, прижала книгой. Новую фотографию положила в конверт и оставила внутри обложки.

Потом переоделась. Уже у двери вспомнила, что не взяла квитанцию из мастерской, вернулась за ней и заметила на столе высохший след от стакана. Провела по нему мокрой тряпкой.

Когда выходила, телефон зазвонил. Подруга спрашивала, удобно ли встретиться на полчаса раньше.

— Да, — сказала Вера. — Я уже иду.

Часть вторая
Расстояние

Глава 26. За столом напротив

Ксения пришла на встречу вместе с Романом и села напротив Александра. До этого он видел её только в копии писем: имя, должность в группе, короткие вопросы о загрузке и затратах. Она оказалась моложе, чем он представлял по деловой переписке, — лет тридцати пяти, с короткими тёмными волосами и маленьким ожогом на запястье. Заметив, что он смотрит, опустила рукав.

— Чайник, — сказала она. — У нас дома он опаснее любого производства.

Марк засмеялся. Александр улыбнулся и разложил перед собой замечания юриста.

Роман сразу обозначил, что обсуждают сегодня. Покупатель готов продолжать переговоры о контрольном пакете. Отдельную долю Александра будут оценивать в составе общей сделки; вариант без двухлетнего обязательства оставаться тоже рассмотрят, но для этого нужен реалистичный план передачи управления. Пока его нет, говорить об окончательной цене рано.

— Что вы считаете реалистичным? — спросил Александр.

— Чтобы работа не зависела от вашего личного решения вернуться в понедельник, — ответила Ксения.

Лев положил карандаш. Мельников, которого впервые пригласили на эту часть разговора, не изменился в лице.

— По обычным операциям мы уже так работаем, — сказал он.

— По обычным — да. А по людям, которых вы не хотите потерять? По крупным покупателям? По конфликту между коммерцией и производством?

Александр начал отвечать и заметил, что перечисляет свои действия. Ксения слушала, не перебивая. Когда он закончил, спросила, кто делает всё это в его отпуске.

— Зависит от вопроса.

— Тогда давайте разберём вопросы. Не будем заранее назначать одного человека вместо вас.

Ему понравилось, как она сказала «вместо». Без торжественного обещания найти второго Александра. И одновременно задело, что найти его, возможно, вообще не требуется.

Они потратили час на три недавних случая. В двух Александр подключился сам, хотя другие могли закончить без него. В третьем его участие действительно изменило решение: он знал историю покупателя, которой не было в переписке. Ксения попросила не передавать память целиком, а записать существенное для тех, кто ведёт отношения дальше.

— Вы хотите, чтобы я стал ненужным, — сказал он.

В комнате стало тихо. Фраза вышла с улыбкой, но улыбки не хватило.

— В отдельных процессах — да, — ответила Ксения. — Иначе вы продаёте нам зависимость, а сами покупаете себе обязанность от неё не отходить.

Марк посмотрел на него, ожидая реакции. Александр перевернул страницу.

— Тогда начнём с этих трёх случаев.

После встречи Ксения задержалась у выхода. Роман уже говорил с Марком в коридоре.

— Я не пыталась вас задеть, — сказала она.

— Получилось без попытки.

— Понимаю. Но если вы правда хотите иметь возможность уйти, кто-то должен задать неприятные вопросы до подписания.

Он придержал дверь.

— Вы всегда так разговариваете с людьми, которых хотите оставить работать?

— Только с теми, кто спрашивает про право уйти.

Она прошла мимо, и Александр почувствовал лёгкий запах мокрой шерсти: за время встречи на улице начался дождь. Уже после её ухода он поймал себя на том, что помнит разговор не в том порядке, в каком он происходил. Сначала её усмешка у двери, потом сложные условия. Это была знакомая перестановка. Он не стал давать ей другого названия.

Глава 27. Срок на обороте

Полина подписала договор в среду. Исправления внесли, приложение с графиком сделали заново, первый платёж зависел от начала подготовительного этапа. Подпись получилась кривой: электронное перо скользило по экрану быстрее, чем рука привыкла вести линию.

Она посмотрела на результат и вдруг захотела позвонить матери. Матери в этой минуте не было рядом; вместо придуманного разговора Полина позвонила Ларисе.

— Подписала, — сказала она.

— Поздравляю. Ты сейчас рада или боишься?

— Сначала рада. Потом, наверное, буду бояться.

— Успеешь.

Лариса слушала, пока Полина рассказывала про первые недели. Потом спросила, купила ли та нормальный чемодан. Старый плохо закрывался, и каждый раз, когда они куда-нибудь ехали, кто-то сидел сверху, пока другой тянул молнию.

Полина засмеялась. Среди всех больших решений вопрос о чемодане оказался неожиданно своевременным.

На площадке её ждал Григорий, продюсер первой программы центра. Они созванивались раньше, но ещё не работали вместе. Он прислал подробный план открытий, встреч, показов. В плане почти не было времени, когда в здании просто находятся люди без назначенного события.

— Мы же говорили об открытом пространстве, — сказала Полина.

— Вот оно и открыто. С десяти до десяти.

— На каждом участке идёт мероприятие.

— Иначе как мы покажем результат?

Он не спорил с её идеей. Он просто понимал результат иначе: посещаемость, публикации, фотографии полного зала. Полина открыла свой план и долго объясняла, почему пустой час не означает отсутствия работы. Григорий слушал, затем показал обязательства перед партнёрами.

— У меня тоже не с потолка это взялось.

Полина почувствовала раздражение. На согласовании всё казалось яснее. Теперь каждый человек приносил собственные условия, и красивый замысел уже не мог отменить ни одного из них.

Они договорились разбирать программу вместе с директором в первый же день её приезда. Григорий предложил до тех пор не менять расстановку столов: возможно, на их месте потребуется пресс-зона.

После звонка Полина долго смотрела на маленькую комнату у бокового входа. За неё ещё предстояло спорить. Не за идею свободного места вообще, а за конкретные метры, время уборки, розетки и столы, которые придётся кому-то двигать.

Александр позвонил ближе к вечеру.

— Как подпись?

— Очень некрасивая.

— Зато действительная?

— Да. Кажется.

Он поздравил. Она рассказала про Григория, про плотную программу. На середине поймала себя на том, что сокращает неприятную часть: не хотелось давать ему лишний повод думать, что работа не стоит поездки.

— Ты можешь говорить, если там сложно, — сказал Александр. — Я не буду собирать список причин, почему тебе надо домой.

Полина закрыла глаза. Ей хотелось поверить сразу, без осторожности.

— Сегодня я сама такой список собираю, — призналась она.

— Тогда не выбрасывай. Посмотрим потом, что в нём про работу, а что просто страшно.

Она улыбнулась. После разговора заказала чемодан. Выбрала светлый, хотя знала, что на нём будет видна каждая царапина. Впервые покупала дорожную вещь не на отпуск, и ей хотелось, чтобы она не выглядела как начало эвакуации.

Глава 28. Человек, который останется

Антон сам попросил встретиться. Александр приготовился к разговору о деньгах. За последние годы Антон перестал входить с порога со словами «если у вас есть минутка»: теперь называл вопрос заранее и выбирал время, когда его действительно могли слушать.

— Я слышал про покупателей, — сказал он, сев. — Не из журнала. В производстве спрашивают, кто приезжает и зачем смотрит площадку.

— Переговоры идут. Решения пока нет.

— Я не за решением. Я хочу понять, чему сейчас учить людей. У нас следующая программа на полгода. Если всё будут менять, бессмысленно делать вид, что мы не слышим.

Александр подвинул к себе план занятий. Там были конкретные операции, фамилии, сроки допуска. Ничего из этого не становилось ненужным от перемены владельца. Но Антон спрашивал не только об этом.

— Тебя что беспокоит больше всего?

— Что вы знаете, а мы делаем работу, которая через месяц никому не понадобится.

Он сказал «вы» во множественном числе. Александр заметил и не уточнил, включён ли в него лично.

— Смена владельцев сама по себе не отменяет программу, — сказал он. — Но я не могу обещать, что через полгода всё останется как сейчас. В ближайшие две недели разберём, какие изменения обсуждаются. Потом я соберу руководителей участков и расскажу то, что смогу подтвердить.

Антон посмотрел на него.

— Можно дату?

Александр открыл календарь. Назвал четверг через две недели. Записал, отправил приглашение при нём.

— Даже если ничего не решат?

— Тогда скажу, что ничего не решили. И какие вопросы остаются.

Антон кивнул, но не встал.

— И ещё. Если мне предложат заниматься передачей знаний на другую площадку, это не та же работа, которую я делаю сейчас. Там будут поездки, новые люди, другие сроки. Я готов обсуждать. Только отдельно.

Александр засмеялся — коротко, от неожиданности.

— Ты заранее торгуешься?

— Заранее говорю, чтобы потом не спорить, когда все уже решили, что я согласен.

Улыбка сошла с лица Александра. В словах Антона не было вызова. Именно так они сами учили людей поступать последние годы.

— Правильно. Отдельно.

После его ухода Александр позвал Мельникова. Они обсудили, как рассказать команде о переговорах без пустого успокоения. Мельников предложил собрать вопросы до встречи, чтобы не выбирать только те, на которые приятно отвечать.

— Тогда половина будет про сокращения, — сказал Александр.

— Значит, половина должна быть про сокращения.

Он положил на стол лист. На нём были три вопроса, которые уже задали ему самому: будет ли меняться график; останется ли площадка; сохранят ли условия оплаты.

Александр прочитал. Ему вдруг стало тесно в кресле. Он обсуждал с юристом цену собственного присутствия и до этой минуты почти не думал о том, что десятки других людей уже мысленно оценивали цену своего возможного отсутствия.

— Я спрошу у покупателя прямо, — сказал он.

— Спроси. Только ответ «мы заинтересованы в команде» не приноси. Его все уже слышали.

Глава 29. Вещи на две недели

Полина собирала чемодан в субботу. Первый выезд решили сделать на десять дней: подготовка, встреча с подрядчиками, проверка света и программы. Потом возвращение к первому сентября. На бумаге всё выглядело достаточно коротким, чтобы не переживать. Чемодан на полу противоречил бумаге.

Соня приносила вещи, которые, по её мнению, матери понадобятся. Мягкую игрушку. Запасной карандаш. Маленький фонарик, который светил только если сильно прижать крышку.

— Фонарик оставь себе, — сказала Полина.

— А если там темно?

— Там есть свет.

— А если выключат?

Александр, складывавший рядом зарядные устройства, достал из ящика небольшой рабочий фонарь.

— Вот этот можно взять.

Соня проверила кнопку и согласилась. Полина посмотрела на мужа с благодарностью, которую дочь не заметила: он нашёл способ принять её заботу, не доказывая, что бояться нечего.

К вечеру всё было готово. Чемодан стоял у двери, и они несколько раз обходили его, хотя можно было убрать к стене. Полина приготовила ужин, потом рассердилась на себя: не хотела проводить последний вечер в роли человека, который заранее обеспечивает остальных едой. Александр помог нарезать овощи. Они успели поссориться из-за пустяка — он снова положил нож не туда — и оба слишком быстро поняли, что нож ни при чём.

После ужина Соня потребовала обещать звонок каждый вечер в восемь.

— Не всегда получится именно в восемь, — сказала Полина. — Давай договоримся: я напишу заранее, когда смогу. А если у тебя будет что-то важное, папа передаст.

— В восемь удобнее.

— Знаю.

Дочь отвернулась. Александр хотел убедить Полину пообещать хотя бы на первые дни. Она посмотрела на него, и он остановился. Он слишком хорошо знал, как легко успокоить человека обещанием, которое потом придётся чинить.

Ночью они долго не спали. Полина лежала на боку, Александр проводил ладонью по её плечу. В темноте было легче сказать, что он боится пустой половины кровати, а она — не суметь быть достаточно хорошей сразу в двух городах.

— Мы не экзамен сдаём, — сказал он.

— Ты это себе тоже скажи.

Он улыбнулся, хотя она не видела. Притянул её ближе. Они целовались без спешки, прислушиваясь к комнате, где спала дочь. Когда Полина положила голову ему на грудь, он некоторое время считал её дыхание, словно это могло помочь удержать ночь подольше.

Утром Соня оделась сама и не захотела завтракать. На вокзале стояла рядом с чемоданом, смотрела на электронное табло. Полина присела обнять её; дочь сначала не подняла рук, потом обхватила так сильно, что та едва удержала равновесие.

Проводник попросил пройти, до отправления оставалось несколько минут. Александр поднял чемодан в вагон, поставил возле места. На выходе Полина тронула его за локоть.

— Не говори ей, что это совсем недолго.

— Хорошо.

Он поцеловал её, вернулся на перрон. Когда поезд тронулся, Соня махала ладонью, пока нужное окно не исчезло. Потом спросила, когда они будут дома. Александр взял её за руку. До дома предстояло ещё доехать, и он был благодарен хотя бы за эту небольшую отсрочку.

Глава 30. Первый ключ

В квартире пахло средством для мытья пола. Полина поставила чемодан, открыла окна и только тогда заметила, что шум улицы здесь другой. Дома машины проходили под окнами непрерывно. Тут было тихо, потом вдруг гремела одна, и тишина возвращалась так резко, будто её выключили.

Она отправила Александру сообщение, что добралась. Сфотографировала кухню для Сони, но не послала: дочь увидит чужой стол и спросит, почему на нём нет её рисунка. Полина достала рисунок из папки и поставила возле чайника. Край бумаги намок от оставшейся на столешнице воды.

До встречи в центре было полтора часа. Можно было принять душ, поесть, разобрать вещи. Она села на незнакомую кровать и минут двадцать ничего не делала. Потом рассердилась, что тратит время. Потом перестала сердиться: дорога тоже была частью дня.

У бокового входа её встретила Рита, технический координатор. Сорок с небольшим, светлые волосы собраны резинкой, связка ключей на красном шнурке. Рита говорила быстро и всё время проверяла, кто звонит в телефон.

— У вас есть каска? — спросила она.

— Нет.

— Сейчас дадим. Свет сегодня смотреть будем после семи. До этого электрики ещё заканчивают.

— Я хотела сначала пройти по программе.

— Пройдём. Только не там, где лестница.

Рита открыла дверь, остановила рабочего, попросила переставить коробки. Полина вошла следом и сразу увидела: столы из маленькой комнаты вынесли. На их месте стояли складные стойки под оборудование.

Григорий объяснил, что это временно. Временное уже имело подписи на полу, список подключений и назначенного человека. Полина попросила собрать всех, кто принимал решение. Рита посмотрела на часы, затем на неё.

— Вы сейчас будете спорить за комнату или искать, где поставить звук?

— И то и другое.

— Тогда сначала звук. Иначе Гриша будет прав не потому, что прав, а потому, что ему больше некуда.

Они пошли вдоль стены с окнами. Нашли нишу, неудобную для посетителей, но подходящую для оборудования при дополнительном ограждении. Рита позвала электрика, Полина — Григория. Через час стойки ещё стояли в комнате, но у них появилась реальная возможность переехать.

В семь тридцать включили первый свет. Он лёг гораздо ниже, чем на расчёте. Одна часть стены стала плоской, другая неприятно блестела. Полина почувствовала усталость за глазами и попросила погасить половину приборов.

Александр написал: «Соня ждёт звонка. Ты сможешь?»

Полина посмотрела на лестницу, на Риту наверху, на электрика, который через полчаса уходил на другой объект. Набрала: «Через сорок минут. Скажи, пожалуйста, что я задержалась на работе, а не забыла».

Рита спустилась, увидела её лицо.

— Домой надо?

— Позвонить.

— Давайте я подержу тут. Вы на пять минут выйдите.

Полина покачала головой. Пять минут легко превратятся в двадцать, а Соня обидится ещё сильнее, если мать будет смотреть мимо экрана. Она написала точное время и вернулась к стене. Решение далось тяжело. Свет от этого не стал лучше, но теперь можно было им заниматься.

Глава 31. Восемь сорок

В восемь Соня села возле телефона. В восемь десять принесла книгу, чтобы показать матери рисунок на обложке. В восемь двадцать спросила, можно ли уже не ждать.

— Мама написала, что позвонит в восемь сорок, — сказал Александр.

— Я знаю.

— Тогда можешь пока читать.

— Я не хочу читать пока.

Он поставил кастрюлю в раковину. Макароны слиплись, хотя он делал всё как обычно. Пока искал в телефоне, как их спасти, Соня налила слишком много сока и вытерла стол своим школьным рисунком. Никто не совершил ничего ужасного, но квартира к вечеру выглядела так, будто они долго отбивались от чужого вторжения.

Александр посмотрел на часы. Ему нужно было открыть письмо от Льва до девяти. Он написал, что вернётся позже, и убрал ноутбук в шкаф. Дочь заметила.

— У тебя тоже работа?

— Есть. Посмотрю, когда уснёшь.

— Значит, ты ждёшь, чтобы я уснула.

Он повернулся к ней. Она сказала это без обвинения, как понятный вывод из услышанного.

— Сегодня у меня есть дело после того, как ты уснёшь. Но это не значит, что мне хочется поскорее от тебя избавиться.

— А от меня можно избавиться?

Он сел рядом на пол. Книга лежала раскрытая, один угол страницы загнулся.

— Нет. Я неудачно сказал.

Соня посмотрела на него, потом попыталась разгладить страницу. Александр не продолжал объяснять. Через минуту она попросила прочесть про животное, названия которого не знала.

Полина позвонила в восемь тридцать восемь. Соня оживилась, поднесла книгу к камере так близко, что мать ничего не увидела. Потом рассказала про макароны, про сок, про мальчика с велосипедом. Когда Полина спросила, скучает ли она, дочь пожала плечами.

— У нас много дел.

Александр услышал, как жена тихо вдохнула. Хотел сказать за дочь то, что она не умела в эту минуту. Не сказал. Полина спросила про рисунок на обложке, и разговор продолжился.

Позже, когда Соня уснула, он снова позвонил жене. Она сидела на кухне в чужой квартире и ела йогурт из банки.

— Ты ужинала? — спросил он.

— Это ужин.

— Я могу заказать тебе еду.

Полина засмеялась.

— Сначала скажи, как ты.

Он рассказал про вечер без попытки превратить его в героическое испытание. Она рассказала про свет и комнату. Оба несколько раз хотели перебить. Разговор по экрану требовал пауз, к которым они не привыкли.

— Мне показалось, что она наказывает меня, — сказала Полина.

— Возможно, немного. Но я не знаю. Она и на меня обиделась за слова, которых я не хотел говорить.

Полина провела пальцем по краю банки.

— Завтра позвоню раньше, пока между встречами будет час.

— Только не обещай час. Может, у неё за десять минут закончатся новости.

Они улыбнулись. После звонка Александр открыл письмо Льва. Прочитал два раза, не понимая. Встал, выключил свет в прихожей, вернулся и начал с первой строки. Рабочий день не исчез оттого, что он был хорошим отцом. Просто стал длиннее.

Глава 32. Вторая площадка

Вопрос Антона заставил покупателя прислать отдельную встречу по производству. Ксения приехала с расчётом, Роман подключился по видео. Марк попросил обсуждать без протокольных формулировок; Лев всё равно открыл блокнот.

Рассматривали несколько сценариев. Один предполагал оставить всё как есть на ближайший период. Другой — постепенно сосредоточить часть операций на собственной площадке группы, сохранив здесь ключевые процессы. Третий ещё был слишком сырым, но уже содержал число, которое получалось при меньшем количестве людей.

— Это рабочая гипотеза, — сказала Ксения. — Не решение о сокращении.

Мельников повернул к себе лист.

— Сколько человек считали в этой строке?

Она назвала. Он спросил, включены ли наладка, обучение, замены на время отпуска. По двум пунктам включили частично, по одному — нет. Экономия стала меньше.

— Мы для этого и встречаемся, — сказала Ксения.

Александр спросил про Валентина. За пять лет работа с его площадкой менялась, но часть операций по-прежнему оставалась там. Это не был запасной цех, который можно закрыть одним распоряжением. Были его люди, собственные покупатели, согласованные окна и обязательства на ближайшие месяцы.

— Мы не покупаем его предприятие, — сказал Роман. — Действующие договоры оценим отдельно. Если собственная мощность позволит снизить зависимость, это нормальный вопрос.

— Нормальный, — согласился Александр. — Только в расчёте сейчас исчезает работа, которую всё равно придётся кому-то делать.

Роман попросил указать строки. Они разобрали подготовку, перевозку, повторную проверку после перемещения. Ксения вносила замечания, не защищая таблицу любой ценой. От этого спор был сложнее: здесь не было человека, которого можно разоблачить и тем самым закончить неприятную тему.

В конце Александр сказал о встрече с руководителями участков.

— Что я могу сообщить людям в четверг?

— Что решения о смене владельцев и изменении структуры пока нет, — ответил Роман.

— И что изменения рассматриваются.

— В любом работающем бизнесе они рассматриваются постоянно.

— Они спрашивают не про любой бизнес.

Роман помолчал. Марк потёр переносицу.

Ксения предложила составить короткий перечень: что точно продолжается независимо от сделки; что входит в оценку; по каким вопросам ещё нет достаточных данных. Александр согласился, но попросил не подменять отсутствие решения обещанием сохранить всё.

После встречи Мельников остался в кабинете.

— Ты готов сказать им, что сам тоже можешь уйти? — спросил он.

Александр посмотрел на пустой экран.

— Пока не знаю, уйду ли.

— Они тоже пока не знают, останутся ли. Будет странно, если ты расскажешь только про их неизвестность.

Он ушёл, не дожидаясь ответа. Александр открыл папку с личными условиями сделки, затем закрыл. На общем разговоре нельзя было обсуждать все цифры. Но между цифрами и молчанием оставалось место, которое ему ещё предстояло заполнить.

Глава 33. Никаких гарантий

Марк считал, что Александр слишком рано обещал встречу. Разговор состоялся вечером, когда коридоры уже опустели. За окном дворник сгребал мокрые листья: после дождя несколько деревьев неожиданно сбросили зелень, хотя до осени оставались дни.

— Ты поставил дату раньше, чем появились ответы, — сказал Марк.

— Люди уже задают вопросы.

— И всегда будут задавать. Но если каждую рабочую гипотезу выносить на общий разговор, никто не сможет считать варианты.

Александр стоял у стола. Садиться не хотелось: разговор мог растянуться, а он обещал Тамаре приехать к половине седьмого.

— Я не собираюсь показывать им все варианты. Скажу, что обсуждаем и чего не знаем. И про себя тоже скажу.

— Про продажу доли?

— Что обсуждаю изменение своей роли. Без личных цифр.

Марк отодвинул очки.

— Они услышат, что ты уходишь, получив деньги. Всё остальное пройдёт мимо.

— Возможно.

— Это не только твоя репутация. Люди начнут искать работу. Покупатель увидит отток команды. Цена станет другой для всех.

Александр почувствовал, как привычное желание выглядеть честным упёрлось в последствия. Марк не требовал солгать. Он предлагал подождать. Такое ожидание можно было обосновать почти бесконечно.

— А если я не скажу, — спросил Александр, — а потом они узнают после сделки? Ты правда считаешь, что это поможет команде?

— Я считаю, что сначала нужно договориться, о чём говорить. Не ставить всех перед фактом твоей нравственной позиции.

Александр открыл рот и закрыл. Эта формулировка была неприятна тем, что в ней имелась правда. Он действительно выбрал дату сам, желая не повторить прежнее. Не спросил, как подготовить людей, у которых другие полномочия и другие риски.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра до обеда соберёмся с Львом и Мельниковым. Подготовим разговор. Покупателю покажем фактические формулировки. Но отменять встречу я не буду.

Марк посмотрел на часы.

— Ты куда-то спешишь?

— За дочерью.

— Тогда иди. Завтра в девять.

В машине Александр увидел три пропущенных от Тамары. Сердце дёрнулось раньше, чем он прочитал сообщение: «Соня просит взять её рисунок из прихожей. Мы у качелей, всё хорошо».

Он перезвонил, уточнил время. Потом набрал Полину, но она не ответила. Не ответила и через двадцать минут, когда он уже шёл к качелям.

Соня побежала навстречу и потребовала рисунок. Он забыл. Пришлось возвращаться домой, потом снова выходить. Дочь не хотела объяснять, кому обещала показать. Александр держался терпеливо, но у подъезда всё-таки сказал слишком резко: «Нельзя же помнить за всех».

Соня остановилась. Он присел перед ней и сразу попросил прощения. Не рассказал, как устал на работе. Она забрала рисунок и некоторое время несла его сама, хотя ветер загибал угол. До качелей они шли молча.

Глава 34. Вода под дверью

Полина увидела звонки только в половине десятого. Телефон лежал в куртке, куртка — в запертой служебной комнате. Ключ забрала уборщица, потому что Рита попросила никого туда не пускать, пока сохнет пол. Всё это по отдельности выглядело разумно. Вместе привело к тому, что три часа до неё невозможно было дозвониться.

В шесть начался ливень. Сначала все радовались: в здании целый день стояла духота. Потом Рита заглянула за боковую дверь и вернулась с лицом человека, который уже понял масштаб, но ещё надеется ошибиться.

Вода шла под порогом. Не потоком, а тонким слоем, растекавшимся по бетону. Рабочие принесли тряпки, кто-то предложил закрыть дверь плотнее. Снаружи скопилась вода: строительный мусор перекрыл часть стока, а уклон у входа оказался совсем не таким, как на старом плане.

Полина первым делом помогла поднять коробки. Потом увидела, что кабель лежит в низком месте, и позвала электрика. Тот отключил линию. В половине зала погас свет.

— Завтра приедут смотреть, — сказал подрядчик. — Сейчас что мы сделаем?

— Сейчас не включаем обратно, пока не проверите, — ответила Рита.

Григорий спросил, можно ли перенести завтрашнюю съёмку на другую сторону зала. Полина посмотрела на мокрые полосы возле двери. Их ещё можно было вытереть и не показать в кадре. Именно это решение пришло в голову всем первым.

— Съёмку перенесём, — сказала она. — Но не для того, чтобы сделать вид, что вход готов. Завтра начинаем с обследования порога и стока. Моя расстановка на этом участке пока недействительна.

Подрядчик раздражённо развёл руками.

— Из-за лужи всю работу ставим?

Полина почти ответила тем же тоном. Рита опередила:

— Из-за воды возле временного питания. Не из-за настроения Полины. Проверим — продолжим.

Они вынесли ещё несколько коробок. В конце Рита сама поскользнулась на мокром следе, удержалась за косяк и выругалась так выразительно, что все замолчали. Никто не пострадал. Полина всё равно запомнила эту секунду лучше остального вечера.

К девяти дождь закончился. За окнами светилась река, вода на улице уже ушла. В пустом зале лежали тряпки, стояли поднятые на стулья коробки, и работа казалась испорченной сильнее, чем была на самом деле.

Полина достала телефон, увидела пропущенные. Позвонила Александру сразу. Он ответил тихо: Соня уже спала.

— У нас затопило вход. Немного. Я не слышала.

— Ты в порядке?

— Да.

Он молчал, она слушала его дыхание.

— Я переживал, — сказал он наконец.

— Понимаю. Прости. Надо было взять телефон.

— Можно я буду знать, у кого тебя искать, если что?

Полина посмотрела на Риту, которая сидела на ящике и выжимала носок.

— Спрошу у Риты, можно ли дать её номер. Только для таких случаев.

— Хорошо.

— Саша, я правда работала.

Пауза стала другой.

— Я знаю, — ответил он.

И она поняла, что не знает, зачем сама сказала это раньше, чем он спросил.

Глава 35. Вопрос, которого не было

Александр стоял в ванной, чтобы не разбудить дочь. На полке лежала резинка Полины, рядом — крышка от маленькой баночки. Он несколько раз брал крышку и клал обратно, пока слушал про дождь, кабель и мокрый пол.

«Я правда работала».

Он не подозревал её. По крайней мере, до этой фразы. После неё подозрение возникло так быстро, что он испугался: в памяти нашлось слишком много случаев, когда он сам говорил почти то же самое.

Полина объясняла, где был телефон. История с ключом звучала сложно, а сложность ему была знакома. Когда-то он гордился тем, как правдоподобно можно соединить мелкие бытовые случайности, чтобы ни одна не казалась ложью.

— С кем ты сейчас? — спросил он.

— С Ритой. Ещё двое рабочих уходят.

— Григорий тоже?

— Он уехал раньше.

Александр закрыл глаза. Вот и прозвучал вопрос, который до этой минуты якобы не собирался задавать.

— Я сейчас неудачно разговариваю, — сказал он.

— Заметила.

В её голосе появилась холодная усталость. Он сел на край ванны.

— Я испугался, что с тобой что-то случилось. А потом начал спрашивать совсем не об этом.

— Я могу дать рабочий контакт на случай, если со мной что-то случится. Но не хочу каждый вечер доказывать, где была.

— Я тоже этого не хочу.

— Сейчас хотел.

Он не ответил. Было бы легко рассказать ей, что сам себя ненавидит за этот вопрос. Она устала, стояла в чужом городе после тяжёлого дня и получила бы ещё одну обязанность — убедить его, что он не так плох.

— Да, — сказал Александр. — Сейчас хотел. Это мой страх. Я не прошу тебя присылать доказательства.

Полина долго молчала.

— Я поеду домой. Мне надо переодеться. Можем завтра поговорить нормально?

— Можем. Напиши, когда доберёшься.

— Напишу.

Она отключилась. Александр остался сидеть. Влажное полотенце касалось руки. Он вспомнил женщин, которые когда-то ждали от него хотя бы короткого сообщения, и почувствовал соблазн назвать нынешнюю тревогу заслуженной расплатой. В такой расплате был удобный порядок: всё объяснено, каждому досталось. Но Полина не соглашалась играть в этом порядке никакую роль.

Через двадцать минут она написала: «Дома». Он ответил: «Спасибо. Спокойной ночи».

Потом открыл переписку снова. Хотел добавить сердечко, потом длинное объяснение. Убрал телефон.

В детской Соня спала поперёк подушки. Он поправил одеяло, сел на стул. Дочь не открыла глаз, но нащупала его пальцы. Александр остался, пока рука не расслабилась.

Рабочее письмо он так и не прочитал. Утром придётся встать раньше. Он поставил будильник и положил телефон на тумбочку со своей стороны кровати. Половина Полины оставалась пустой, и ему было стыдно, что он на минуту попытался заполнить её подозрением.

Глава 36. Вопросы из ящика

К четвергу в закрытом ящике у комнаты мастеров набралось двадцать семь листков. Мельников высыпал их на стол, разгладил, разложил по темам. Несколько были подписаны, большинство нет. На одном почерком, похожим на школьный, стояло: «Если всё хорошо, зачем продают?»

Александр взял этот лист первым.

— С него и начнём, — сказал Мельников.

— Не самый удобный.

— Поэтому.

Встречу провели между сменами. Пришло больше людей, чем ожидали; пришлось принести стулья из переговорной. Лев встал у стены, Дарья села сбоку. Марк не пришёл: заранее согласовал фактическую часть и оставил разговор Александру.

Он начал без презентации. Объяснил, что владельцы обсуждают продажу части долей и возможный переход контроля. Решение не принято. Назвал, какие обязательства компания продолжает выполнять сейчас. Затем сказал, что обсуждает продажу собственной доли и возможное изменение своей роли.

В комнате кто-то коротко усмехнулся. Александр услышал, но не стал искать глазами.

— То есть вы получите деньги и уйдёте? — спросил мужчина из второго ряда.

— Такой вариант обсуждается. Также обсуждается переходный период, когда я продолжу работать. Срок и условия пока не согласованы.

— А мы останемся разбираться?

Мельников шевельнулся, Александр поднял руку: сам.

— Вы не обязаны соглашаться на любые новые условия только потому, что я их обсуждаю. Но сейчас я не могу назвать решения, которых ещё нет.

— Тогда зачем собрались?

Он посмотрел на листок в руке.

— Потому что вопросы уже есть. Было бы хуже делать вид, что я их не слышу, пока обсуждаю свои условия отдельно.

Пауза оказалась длинной. Потом Ирина из смены спросила, возможен ли перенос операций на другую площадку. Александр ответил: такой вариант оценивается. Она сразу уточнила про дорогу и смены. Ей нужно было забирать ребёнка, и лишний час пути менял не удобство, а саму возможность оставаться на работе.

— Это ещё не посчитано для людей, — сказал Александр. — Я включу в оценку. Не только перевозку оборудования.

— Вы посчитайте сейчас, — ответила она. — А не когда предложите выбор между увольнением и автобусом в пять утра.

Лев записал. Александр кивнул.

Дальше говорили об оплате, отпусках, обучении. Несколько вопросов требовали уточнений, несколько не относились к сделке вообще: старый спор о доплате за замену, сломанный шкафчик, неудобное расписание инструктажей. Никто не собирался беречь чистоту его большого нравственного разговора.

Через час люди стали расходиться. Благодарили немногие. Один мужчина, проходя мимо, сказал: «Своё-то вы точно не забудете». Александр не нашёл ответа, который не прозвучал бы оправданием.

Антон задержался последним.

— Дату следующего разговора дадите?

Александр посмотрел на пустеющую комнату.

— Через две недели. И ответы по дороге — раньше, как только будут данные.

Антон записал в телефон. Ни одобрения, ни прощения в этом движении не было. Было следующее обязательство, которое теперь можно было проверить.

Глава 37. После аплодисментов

Аплодисментов не было, но Александр поймал себя на том, что ждал их другой формы. Личного сообщения от кого-нибудь, короткого «спасибо за честность», взгляда, из которого понятно: было трудно, мы видели.

Вместо этого Лев принёс расчёт текущих выплат, Дарья — вопрос покупателя, который услышал о переговорах от своего сотрудника. Мельников попросил не откладывать ремонт шкафчиков: если уж люди назвали проблему, глупо оставлять её только потому, что она маленькая.

Александр почти рассердился.

— Мы о судьбе компании говорили.

— Они и говорили о своей работе в ней, — ответил Мельников.

Он забрал согласованную заявку и вышел.

После обеда позвонил Марк. Ему уже пересказали встречу, причём не из протокола.

— Ты сказал, что операции могут перенести?

— Да. Что вариант оценивается.

— Роман считает, что формулировка прозвучала шире, чем обсуждали.

— Пришлю точную запись ответов. Не аудио, мы фиксировали письменно.

— Пришли. И приготовься к тому, что теперь каждый расчёт будут читать как принятое решение.

Александр хотел спросить, зачем тогда вообще говорить правду. Вопрос был обиженным, почти детским. Он поблагодарил за звонок и попросил следующую встречу с Ксенией посвятить условиям возможного перехода людей, а не только станков.

К шести стало ясно, что он не закончит всё сам. Попросил Дарью ответить покупателю в пределах того, что уже сообщили команде. Передал Мельникову вопрос по графику. Раньше в похожий день он бы остался до ночи: надо лично восстановить равновесие после того, как сам его нарушил.

На выходе встретил Ирину из смены. Она стояла у проходной, разговаривала с другим работником. Увидев его, не замолчала. Александр кивнул, прошёл мимо. Ему было неприятно, что они могут обсуждать его в его присутствии и не обязаны делать вид, будто это не так.

Полина позвонила, пока он шёл к машине. У них нашлось двадцать минут до её следующей встречи.

— Я провёл разговор, — сказал он. — Было хуже, чем надеялся.

— Что именно?

Он рассказал про вопросы, про человека во втором ряду, про свою долю. Полина слушала. Потом спросила:

— Ты обещал им, что всё сохранится?

— Нет.

— Они узнали то, что для них важно?

— Часть.

— А что ты хотел получить ещё?

Он остановился возле машины. Солнце било в лобовое стекло, пришлось отвернуться.

— Чтобы поняли, что я не пытаюсь их бросить.

— Они пока не знают, пытаешься или нет. Ты тоже ещё не решил, на каких условиях уйдёшь.

Александр выдохнул. Её слова не утешали, но хотя бы не требовали притвориться, что день закончился поражением или победой.

— Вчера я плохо с тобой говорил, — сказал он.

— Да. Я до сих пор злюсь.

— Я понимаю.

— Не уверена, что понимаешь. Но сейчас мне хочется рассказать тебе, что мы нашли под порогом.

Он открыл машину, положил сумку, затем снова вышел и прислонился к двери. Полина начала рассказывать. До звонка Тамары оставалось пятнадцать минут, и все пятнадцать он был свободен её слушать.

Глава 38. Заказ на двоих

Ксения предложила поужинать после встречи. Роман улетал раньше, Марк собирался на другое мероприятие. Они вдвоём ещё должны были разобрать перечень функций, которые Александр считал необходимым передать до своего возможного ухода.

— Можно завтра утром, — сказала она. — Но у меня поезд в десять.

Александр посмотрел календарь. Соня ночевала у Ларисы: они договорились ещё неделю назад, до приглашения Ксении. Вечер был свободен. Именно эта точная формулировка показалась ему опасной.

— Давайте сегодня, — сказал он.

Ресторан она выбрала возле гостиницы. Небольшой зал, длинная скамья вдоль стены, тесные столы. Ксения попросила место, где можно открыть ноутбук. Официант убрал вазу с цветами, поставил её на подоконник.

Первый час они действительно работали. Спорили о сроках, о полномочиях Мельникова, о том, какие вопросы остаются у владельцев. Ксения попросила объяснить одну старую уступку покупателю. Александр рассказал, не называя личных обстоятельств. Она спросила только про финансовый результат и порядок согласования. Он поймал себя на облегчении: чужая женщина могла знать о нём ровно столько, сколько он сам решал показать.

Когда еду принесли второй раз — официант сначала перепутал заказ, — ноутбук закрыли. Ксения сняла часы и положила возле тарелки.

— У вас дома кто-нибудь сейчас ждёт? — спросила она.

— Дочь у тёти. Жена в рабочей поездке.

— У меня дочь делает вид, что ей всё равно, когда я приеду. Потом спрашивает, почему поздно.

Он узнал, что девочке тринадцать. Ксения растила её с участием бывшего мужа, но отношения между взрослыми оставались непростыми. Она не стала объяснять почему, Александр не спросил.

Говорили о поездах, о гостиничных завтраках, о том, как чужой город делает человека внимательнее к вещам, которых дома не замечаешь. Александр увидел, что умеет слушать её с тем выражением лица, которое раньше почти всегда приводило разговор в определённую сторону.

Это не было случайным. Он выбирал, когда улыбнуться, когда помолчать, когда сказать чуть тише. Удовольствие от собственной точности пришло раньше, чем он успел его осудить.

Ксения посмотрела на него и улыбнулась в ответ. В ту минуту он не мог знать, означает ли это что-нибудь кроме приятного вечера. Знание ему и не требовалось: старая привычка начиналась не с чужого согласия, а с того, что он переставал быть просто собой и становился человеком, умеющим добиться нужного взгляда.

Телефон на столе мигнул. Полина прислала фотографию открытого порога: на снимке виднелись старый слив и кусок бетона. Подпись: «Нашли. Завтра переделывают».

Александр открыл снимок, показал Ксении.

— У жены на объекте вода пошла в зал. Сейчас нашли причину.

Она посмотрела, спросила, давно ли Полина там работает. Разговор переменился без неловкой торжественности. Александр не чувствовал себя спасённым сообщением. Он сам поставил телефон экраном вверх, сам решил показать. Это было маленькое действие, за которым не следовало награды.

У гостиницы Ксения пожала ему руку.

— Завтра пришлю исправленный список. И не соглашайтесь на срок только потому, что он красиво выглядит в договоре.

— Даже если вам это невыгодно?

— Мне невыгодно, если через полгода вы начнёте ненавидеть всех, кто предложил вам остаться.

Он дождался, пока дверь за ней закроется, и вызвал такси домой. В пустой квартире посмотрел на часы. Вечер ещё не кончился. Раньше именно с этого начиналось самое интересное.

Глава 39. Непрошеный свидетель

Борис открыл дверь с мокрыми руками. На кухне работал кран, пахло жареным луком. Света уехала на два дня, и он собирался приготовить еду сразу на оба, чтобы потом «жить как нормальный человек, а не у открытого холодильника».

Александр приехал вернуть книгу. Мог передать через неделю, но после ужина с Ксенией не хотелось сразу ехать за Соней и делать вид, что внутри ничего не произошло.

— Есть будешь? — спросил Борис.

— Недавно ел.

— Тогда посиди, пока я ем. А то всякий раз получается, что я тебя кормлю и ты умнеешь за мой счёт.

Александр засмеялся. Сел на табурет возле окна. Борис положил в сковороду овощи, убавил огонь.

— У меня вчера был хороший вечер с женщиной, — сказал Александр.

Борис замер на полсекунды, затем продолжил мешать.

— С Полиной по связи?

— С представителем покупателя. Мы работали. Потом ужинали.

— И?

— Ничего.

Борис выключил огонь, повернулся.

— Ты зачем рассказываешь?

Александр посмотрел на книгу, которую положил на стол.

— Не знаю. Мне понравилось, как она на меня смотрела.

— Это я понимаю. Чего ты хочешь от меня?

— Чтобы не спросил сразу, собираюсь ли я снова всё испортить.

Борис сел напротив.

— А ты собираешься?

— Вот. Именно.

— Саша, я не могу стать человеком, который не помнит твою жизнь, только потому, что тебе сейчас неудобно её помнить.

Александр отвернулся к окну. Во дворе мужчина грузил в багажник детскую коляску; никак не мог сложить ручку. Захотелось уйти, сославшись на Соню. Вместо этого он спросил:

— Ты считаешь, что мне нельзя нравиться людям?

— Я считаю, что ты приехал ко мне, потому что сам испугался. И теперь пытаешься поссориться, чтобы не объяснять, чего именно.

Борис говорил раздражённо. В этом не было мудрого спокойствия, которым можно любоваться. Ему, похоже, просто надоело снова становиться свидетелем чужой хорошо поставленной сцены.

Александр взял книгу, переложил, отпустил.

— Мне понравилось, что она почти ничего обо мне не знает, — сказал он. — Можно быть человеком из журнала. Умным, взрослым, с лёгкой сложностью в биографии. Никто не ждёт от меня, что я заберу ребёнка и не сорвусь вечером из-за макарон.

Борис кивнул.

— С этого бы и начал.

— Я с ней ничего не делал.

— Я слышал. Ты хочешь, чтобы я за это тебя похвалил?

Александр засмеялся неожиданно громко. Борис тоже улыбнулся, потом встал за тарелкой.

— Я не буду прикрывать, если что, — сказал он уже у плиты.

— Знаю.

— Не потому, что Света заругает. Сам не хочу.

Он положил себе еду. Александр посидел ещё десять минут, спросил про Светину поездку, на этот раз выслушал ответ до конца. Уходя, оставил книгу и не взял с собой никакого окончательного решения, кроме одного: завтра с Ксенией снова была работа, и ему предстояло вести себя соответственно.

Глава 40. Полчаса до закрытия

Подрядчик переделал сток за два дня. Проверяли не под дождём: подвели шланг, пустили воду, следили, как она уходит. Полина стояла рядом в старых кроссовках, которые теперь придётся отмывать. Рита записывала видео для тех, кто должен подтвердить результат.

Вода уходила. Возле порога оставалась небольшая лужа, но в помещение не текла. Инженер попросил поднять угол накладки ещё на несколько миллиметров. Подрядчик вздохнул и достал инструмент.

Полина чувствовала облегчение и злость одновременно. Вчера Григорий назвал её осторожность «дорогим перфекционизмом». Сегодня сам попросил прислать видео и уточнил, когда можно возвращать оборудование. Она не стала напоминать слова. Силы нужны были на другое.

К вечеру выяснилось, что пресс-зону действительно можно перенести. Маленькую комнату у входа оставили для столов, но часть часов пришлось отдать встречам по программе. Полина уступила два вечера, сохранила свободный доступ днём. Решение было хуже её первого замысла и лучше того, что предлагали неделю назад.

Рита подошла, когда она расставляла стулья.

— Вы же домой завтра?

— Послезавтра утром.

— Я бы завтра уехала. Прогноз по дороге плохой, могут задержки быть.

Полина открыла расписание. Ранний отъезд означал пропустить финальную проверку света. Уже записала её в свой график, уже пообещала директору. Если поменять, придётся признать, что не контролирует весь процесс лично.

Она позвонила Нине. Та посмотрела фотографии, уточнила, кто будет на месте, и попросила соединить с Ритой. Через полчаса они втроём составили короткий порядок проверки. Нина подключится дистанционно, Рита пройдёт по точкам, Полина заранее отметит, где допустимы изменения, а где остановиться и позвонить.

— Ты сама нас этому учила, — сказала Нина. — Зачем сейчас изображаешь, что никто не увидит стену без тебя?

Полина усмехнулась.

— Потому что я её ещё не увидела такой, как надо.

— Тогда приедешь и увидишь. Если всё время переделывать до единственного идеального вечера, ты здесь поселишься насовсем.

Директор согласился, хотя и не обрадовался. Григорий спросил, значит ли ранний отъезд, что программа опять сдвинется. Полина спокойно перечислила, что уже готово и кто принимает оставшееся. На этот раз говорить было легче: за словами стояли конкретные люди, которые согласились.

Билет обменяла за полчаса до закрытия кассы. Доплатила больше, чем хотелось. Из окна такси увидела, как работники выносят из здания последние мокрые тряпки. Центр не рухнул от её решения уехать на день раньше.

В квартире она собрала вещи и позвонила домой. Соня потребовала показать чемодан по камере, потом попросила привезти зелёную пуговицу, хотя пуговица с первого приезда лежала у неё самой.

— Новую? — спросила Полина.

— Если найдёшь. Чтобы была пара.

Полина посмотрела на часы. Магазины уже закрывались. Обещать не стала. Зато показала билет, и дочь внимательно проверила цифры, узнавая не все.

Глава 41. День без встречи

Ксения прислала список утром. На этот раз Александр отвечал без желания произвести впечатление. Оказалось, работа от этого не стала скучнее. В одном пункте она ошиблась, в двух он сам смешал разные задачи. К полудню они согласовали большую часть.

Потом она написала, что покупателю удобнее провести итоговую встречу первого сентября в девять. Собрать всех в другое время в ближайшую неделю будет трудно.

Александр посмотрел на календарь. Большая запись: «Соня. Школа». Под ней он сам оставил свободным почти весь день, но теперь свободное место выглядело неоправданно широким. Линейка закончится раньше. Потом можно успеть, если уйти сразу и не фотографироваться у каждого дерева.

Он набрал: «Смогу к одиннадцати». Остановился. Даже к одиннадцати — если всё пойдёт так, как он придумал за отсутствующих людей.

Написал заново: «Первого до двенадцати занят. Могу после двенадцати тридцати или накануне во второй половине дня. Если без меня встреча нужна утром, пришлю свои замечания заранее, подключусь позже».

Ксения позвонила.

— Это не переносится?

— Дочь идёт в первый класс.

— Поняла. Я посмотрю, можно ли поменять порядок вопросов. Только личные условия тогда, возможно, уйдут на следующую неделю.

— Хорошо.

Он произнёс легко и сразу пожалел. Следующая неделя могла изменить позицию остальных владельцев. Марк уже просил не растягивать обсуждение его отдельного варианта.

— Это не демонстрация принципа, — сказал Александр. — Я правда хочу быть там целиком.

— Я не просила объяснять, — ответила Ксения. — Просто говорю о последствиях для графика.

После звонка он понял, что снова пытался получить больше, чем согласование времени. Хотел, чтобы она увидела в нём хорошего отца и оценила выбор. Даже отказ от встречи можно было превратить в способ понравиться.

Он открыл список функций и вернулся к работе.

Вечером Мельников спросил, будет ли Александр на общем обсуждении утром первого. Услышав ответ, кивнул.

— Тогда я пройду производственную часть. Ты только письменно обозначь, где пока не даёшь согласия от своего имени. А то потом выяснится, что мы оставили тебя за кадром и решили всё сами.

— Ты хочешь, чтобы я действительно мог отсутствовать?

— Я хочу провести встречу, — сказал Мельников. — Твоё отсутствие — дополнительное обстоятельство.

Они засмеялись.

Дома Александр нашёл школьную рубашку Сони на спинке стула. Тамара помогла забрать её из магазина, дочь отказалась примерять до приезда матери. Он повесил рубашку в шкаф, чтобы не помялась, и вдруг почувствовал, что день уже стал другим, хотя внешне не произошло ничего. Одну встречу проведут без него. На другой он будет отцом девочки с белой заколкой. Никто не обязан соединять это в достойную публикации биографию.

Глава 42. Возвращение не сразу

Поезд пришёл с опозданием на сорок минут. Не катастрофа, просто долго стоял перед станцией. Полина сообщила заранее. Александр с Соней успели выпить какао в вокзальном кафе и купить слишком сладкую булку, половину которой дочь оставила в бумажном пакете.

На перроне Соня сначала спряталась за отца. Полина увидела её, улыбнулась, присела с раскрытыми руками. Дочь вышла не сразу. Потом всё-таки побежала, споткнулась о собственный ботинок, рассердилась и вместо приветствия сказала:

— У тебя чемодан грязный.

— Уже да, — ответила Полина.

Обняла, поцеловала макушку. Александр взял ручку чемодана, другую сумку повесил на плечо. Пока шли, Соня держалась за мать и одновременно отказывалась отвечать, как у неё дела.

Дома требовалось всё сразу. Посмотреть рубашку. Прочесть книгу. Найти пуговицу. Поужинать. Увидеть рисунки, которые дочь делала каждый день специально к приезду. Полина сидела за столом, улыбалась, но Александр заметил, что она всё чаще закрывает глаза на секунду дольше обычного.

— Давай мама сначала примет душ, — сказал он.

— Она только приехала.

— Именно.

Соня нахмурилась. Полина положила ладонь ей на плечо.

— Мне нужно полчаса. Потом посмотрим всё. Я не уеду, пока моюсь.

Шутка не помогла. Дочь забрала папку и ушла. Из комнаты донёсся стук ящика.

Полина сидела неподвижно. Александр хотел обнять, но она поднялась раньше.

— Не надо сейчас меня жалеть, — сказала тихо. — Я сама решу, когда выдержу её обиду, а когда заплачу.

Он отступил. На кухне осталась половина булки в пакете; он машинально разломил её и съел сухой кусок.

После душа Полина пошла к Соне. Дверь осталась открытой. Они разговаривали негромко, слов Александр не разбирал. Затем дочь засмеялась — коротко, неуверенно. Минут через двадцать позвала отца смотреть все вместе.

Позже, когда Соня уснула, Александр сел рядом с женой на диван. Он ждал возвращения как награды за трудные дни: дом снова соберётся, станет теплее, легче. Полина пахла знакомым гелем для душа и была слишком устала, чтобы награждать кого бы то ни было.

— Я думал, мы ещё посидим, — сказал он, когда она поднялась.

— Я засыпаю стоя.

— Понимаю.

Она посмотрела на него.

— Ты сказал так, будто не понимаешь.

Александр провёл ладонью по дивану, разгладил складку.

— Я соскучился. И придумал себе вечер. Не успел отменить.

Полина села обратно, поцеловала его в щёку.

— Давай завтра. Я тоже соскучилась, просто сейчас у меня на это нет сил.

Он обнял её на несколько секунд и отпустил. Ночью проснулся от того, что она повернулась во сне. Услышал дыхание рядом, потом из детской. Полежал, никому не нужный в эту минуту, и снова уснул.

Глава 43. Квартира на картинке

На следующий день они пошли за обувью для Сони. Купили не ту, которую дочь выбрала первой: у понравившейся пары оказался жёсткий задник. Пришлось пережить обиду, поиск, примерку и ещё одно объяснение, почему блестящее не всегда удобно.

Пока Соня с Полиной стояли у зеркала, Александр открыл письмо от знакомого риелтора. Тот время от времени присылал варианты без обязательства смотреть. Новая квартира была в тихом дворе, с отдельной комнатой для работы и широким окном на кухне. До школы дольше, чем сейчас, но не критично.

Он показал фотографию Полине уже в кафе.

— Хорошо выглядит, — сказала она.

— Можно после сделки подумать. Не сразу. Просто вариант.

Полина увеличила план.

— А ты хочешь здесь жить или хочешь что-то купить после продажи?

Он помолчал.

— И то и другое, наверное.

— Тогда сначала разберись со вторым. Эта квартира от нас никуда не убегает. А если убежит, будет другая.

Соня попросила посмотреть. Нашла маленькую комнату и заявила, что хочет эту. Полина сказала, что они пока ничего не выбирают. Дочь вернулась к мороженому.

Александр убрал телефон. Ему было неприятно, что хорошая возможность опять стала вопросом о мотивах. Он мог позволить себе купить дом для семьи. Неужели каждый такой жест теперь требовал исследования на скрытое желание получить любовь?

— Иногда квартира — просто квартира, — сказал он.

Полина посмотрела на него поверх чашки.

— Конечно. Тогда её можно обсуждать как квартиру. Где жить, сколько ехать, какие документы, чьи деньги, чья собственность. А не как счастливое завершение твоей сделки.

Он покраснел. Соня доедала мороженое, не вмешиваясь; на стол капнул растаявший шоколад.

— Ты думаешь, я потом буду попрекать?

— Я думаю, нам полезно договориться до покупки. Мне важно, что будет моим, что общим и за что я отвечаю. Это не обвинение.

Александр взял салфетку, вытер стол. Ему понадобилась вся дорога домой, чтобы перестать отвечать на то, чего Полина не говорила.

Вечером они вернулись к плану. Выяснилось, что рабочая комната в нём проходная. Полина не захотела бы там работать. Соня в своей предполагаемой комнате почти не получала бы дневного света. Кухня на фотографии казалась шире, чем была по размерам.

— Ну вот, — сказала Полина. — Обычная квартира. Не подходит.

Александр засмеялся.

Он написал риелтору, что этот вариант пропустят. Потом спросил жену, что ей вообще нужно от своего рабочего места. Она начала перечислять, и через некоторое время они обсуждали уже реальную комнату в нынешней квартире: можно ли переставить стеллаж, чтобы свет падал на стол иначе. Денег для этого почти не требовалось. Зато пришлось освободить полку, которую Александр давно считал своей.

Глава 44. Белая заколка

Первого сентября Соня проснулась до будильника. Стояла в дверях спальни в белой рубашке и домашних штанах, держа юбку обеими руками.

— Я не понимаю, где перед.

Полина села, взяла юбку. Александр посмотрел на часы: шесть сорок семь. До выхода оставалось столько времени, что можно было не торопиться. Именно поэтому опоздать они чуть не успели.

Сначала не нашлась вторая туфля. Потом белая заколка отказывалась держать волосы. Соня передумала брать маленький букет и захотела большой, как на фотографии у одной девочки. Полина объяснила, что большой ей придётся нести самой. Дочь сказала, что смогла бы.

На улице было прохладно. Возле школы стояли люди с цветами, телефонами, пакетами сменной обуви. Александр узнал отца мальчика, который говорил о крепеже. Они кивнули друг другу, ни один не предложил продолжить деловой разговор.

Учительница собрала детей возле крыльца. Соня держала мать за два пальца и не отпускала. Когда пришло время идти, Полина наклонилась, что-то сказала ей в ухо. Дочь кивнула, потом посмотрела на отца.

— Вы здесь будете?

— Когда закончится, встретим у этой двери, — ответил он.

Она проверила взглядом дверь, будто место можно было перепутать, и встала рядом с девочкой с синим пеналом.

На линейке Александр почти не снимал. Несколько кадров сделал, потом опустил телефон: дочь всё время скрывалась за чужими головами, на экране получалось хуже, чем глазами. Полина стояла рядом, держала его под руку. Оба видели, как Соня переступает с ноги на ногу и пытается понять, когда можно перестать быть нарядной.

После того как дети ушли внутрь, родители потянулись к ограде. Кто-то обсуждал учителей, кто-то цены на форму. Александр посмотрел телефон. Мельников написал: «Начали. Производственный блок до десяти сорока. Если нужны уточнения, соберу и пришлю».

Он ответил: «Спасибо». Убрал телефон.

Полина заметила.

— Можешь ответить, если надо.

— Уже ответил.

Они пошли до соседнего сквера. До конца первого занятия оставалось сорок минут. Сели на скамью, на которой кто-то забыл ленточку от цветов. Разговаривать не хотелось. Полина положила голову ему на плечо.

Когда Соня вышла, первым делом сказала, что у них в классе плохо открывается шкаф. Потом — что один мальчик плакал. Потом — что она тоже почти, но не совсем. Александр взял у неё букет, теперь заметно помятый.

— А вы что делали? — спросила дочь.

— Сидели на скамейке, — ответила Полина.

— Всё время?

— Почти.

Соня посмотрела на них с уважительным недоумением: взрослые почему-то могли позволить себе невероятно скучные вещи.

Дома она сняла рубашку, попросила обычные макароны и отказалась фотографироваться ещё раз. В половине двенадцатого Александр собрался на работу. Дочь уже лежала на ковре с карандашами. Он наклонился поцеловать её и получил в щёку лёгкий укол белой заколкой.

— Сними, мешает, — сказала Соня.
Он помог открыть застёжку. Торжественный день продолжался без неё.

Глава 45. То, что решили без него

Мельников встретил Александра в коридоре. В переговорной ещё оставались стаканы и две раскрытые папки. Покупатель уехал за двадцать минут до его приезда: расписание изменилось, личный разговор действительно перенесли.

— Ничего окончательного не подписали, — сказал Мельников. — Список открытых вопросов уменьшили. По людям и перевозке оборудования они пересчитывают.

Александр взял протокол. На нескольких страницах были пометки Мельникова и Ксении. Рабочие вещи, понятные, конкретные. В одном месте они выбрали другой порядок действий, чем предложил он. Причина была записана рядом.

— Почему не позвонили?

Мельников посмотрел на него.

— Потому что могли решить. В твоих пределах ничего не подписывали.

— Да. Вижу.

Он читал дальше. Раздражение держалось, хотя повода становилось всё меньше. С утра он гордился, что доверил людям работу. Теперь работа оказалась сделана и слегка отличалась от той, которую он придумал бы сам.

Ксения написала после обеда: «Нужно обсудить отдельные условия вашей доли. Роман готов на следующей неделе. До этого покажу вам модель передачи функций. По сегодняшней встрече Мельников всё зафиксировал точно».

Александр ответил, что прочитал. Не добавил похвалы за самостоятельность: Мельников не был стажёром, которого следовало наградить за отсутствие начальника.

Вечером он встретил Льва у кофейного аппарата.

— Есть ощущение, что они рассматривают Мельникова на моё место? — спросил он.

Лев размешал сахар, хотя обычно пил без него, посмотрел на ложку и усмехнулся.

— Я отвлёкся. Придётся пить сладкий.

— Лев Сергеевич.

— Я услышал. Они рассматривают, как будет работать компания. Мельников умеет ею управлять в своей части. Логично, что спрашивают его. Какую должность предложат, я не знаю.

— А он сам хочет?

— У него спроси.

Александр отставил свой пустой стакан. Ему было стыдно: только что он попросил другого человека разузнать чужие намерения, прежде чем поговорить напрямую.

Мельников ещё не ушёл. На вопрос ответил не сразу.

— Мне интересно. Но если предложат, буду смотреть условия. Не собираюсь считать это твоим подарком или своим предательством.

Александр кивнул.

— Я не говорил про предательство.

— Хорошо. Я заранее.

Они помолчали. За окном темнело, уборщица переставляла стулья в соседнем кабинете.

— Если тебя позовут обсуждать, — сказал Александр, — не жди, пока я определюсь с каждой своей мыслью. Это может занять слишком долго.

Мельников усмехнулся.

— Я так и планировал.

Он собрал документы. Александр остался у двери, не мешая ему выйти. Впервые возможный уход приобрёл лицо человека, который будет приходить в этот кабинет после него. Не плохого, не чужого. Просто другого, которому тоже предстояло захотеть эту работу самому.

Глава 46. На другом листе

Оксана узнала собственный рисунок не сразу. Его прислали в маленьком размере, вставленным в макет обложки: ладонь, край окна, светлая полоса на стене. Цвет изменили, часть изображения обрезали. В письме редактор написала, что переиздание хотят сделать «теплее, ближе к семейной аудитории».

На полу возле стола Ася расставляла деревянных животных. Лошадь оказалась выше коровы, и трёхлетняя дочь считала это серьёзной ошибкой изготовителя. Оксана уже дважды объяснила, что фигурки бывают разного размера, но дочь пока не принимала ответ.

Илья заглянул из кухни.

— Я могу забрать её во двор. Ты сейчас работаешь?

— Сейчас пытаюсь понять, моя ли это вообще работа.

Он посмотрел на экран, наклонился. Оксана подождала. За пять лет они научились не отвечать на профессиональные вопросы друг друга слишком быстро.

— Мне не нравится обрезанный край, — сказал он. — Но я не знаю, что у них на остальных страницах.

— Я тоже. Попросила прислать.

Ася потребовала взять во двор всю деревянную ферму. Илья предложил двух животных на выбор. Пока они спорили, Оксана открыла папку с исходниками. Рисунок она сделала ещё до рождения дочери. С тех пор её постоянно спрашивали, изменило ли материнство искусство. Изменило время, в которое она могла работать. Изменило усталость, деньги, некоторые цвета. Но не превращало каждую нарисованную ладонь в материнскую только потому, что рядом теперь рос ребёнок.

Дочь появилась в её жизни после долгих разговоров, сомнений, решений, которые не имели отношения к Александру. За эти годы Оксана много раз замечала: прошлое может быть важной частью биографии и всё-таки перестать быть местом, куда возвращаешься каждый раз, когда нужно понять себя.

Она написала редактору, что новый вариант пока не согласовывает. Попросила показать полный макет и уточнить, на какое использование рассчитаны иллюстрации. Не стала оправдываться тем, что сама мать и потому имеет особое право на мнение.

После рождения Аси у неё стало меньше заказов, которые можно было взять сразу. Некоторые люди перестали писать. Другие, наоборот, решили, что теперь она согласится на любое «небольшое семейное задание». Оксана брала часть такой работы, если ей нравились условия, и отказывалась от другой. Деньги не стали менее нужны оттого, что отказ звучал правильно.

Илья вывел дочь в прихожую. Ася обернулась:

— Ты будешь тут?

— Буду.

— Не рисуй мою лошадь.

— Хорошо.

Оксана дождалась, пока закроется дверь, и посмотрела на фигурку, оставленную возле ножки стола. Это была не лошадь, а ослик. Она не пошла догонять с объяснением.

Через час редактор прислала развороты. Один оказался очень хорошим. Оксана открыла его отдельно, увеличила, увидела, как белое пространство поддерживает линию. Написала об этом прежде, чем перечислить возражения к обложке.

Времени до возвращения Ильи и Аси оставалось немного. Она взяла новый лист. На нём пока не было ни окна, ни ладони. Внизу поставила дату и начала рисовать складной стул, который видела вчера в мастерской: неудобный, с разболтанной ножкой, без всякой истории, кроме той, которую ещё предстояло увидеть.

Глава 47. У Крылова

Крылов предложил встретиться не в ресторане, а у себя на площадке. Он хотел показать новую организацию приёмки, о которой они говорили на отраслевой встрече. Александр согласился, понимая, что едет и за другим: посмотреть на человека, который когда-то ушёл из его компании и не превратился после этого ни в врага, ни в несчастного изгнанника.

В приёмке было шумно. Крылов несколько раз просил повторить, потом отвёл Александра в сторону, где можно было разговаривать. Показал, что изменили, где ошиблись с первым размещением и почему пришлось вернуть одну старую операцию.

— Я думал, вы от неё избавились, — сказал Александр.

— Я тоже думал. Потом посчитали переделки.

В кабинете Крылов налил воду, спросил про переговоры. Александр рассказал столько, сколько уже знали сотрудники: идёт оценка, рассматривают переход контроля, его собственная роль может измениться.

— Уходить хочешь? — спросил Крылов.

— Иногда очень. Иногда хочу, чтобы меня попросили остаться.

— Одно другому не мешает. Только договор подписываешь один.

Он сел напротив. За последние годы постарел заметнее Александра: возле рта появились глубокие складки, на столе лежали очки для чтения. Движения оставались быстрыми.

— А ты как понял, что пора? — спросил Александр.

— Не понял. Было предложение, были причины уйти, были причины остаться. Выбрал. Потом уже смотрел, что получилось.

— То есть никакого ясного момента?

— Был ясный разговор с Надей. Она сказала, что не хочет ещё год слушать, как я якобы ничего не могу изменить. Это не значит, что её надо благодарить за мою новую работу. Я мог услышать и всё равно остаться.

Александр улыбнулся. Крылов спросил, что тот будет делать после переходного периода. Ответ «пока не знаю» не смутил его.

— У меня, возможно, будет отдельный проект по коммерческой части. Не должность вместо твоей. Месяца на три-четыре. Если к тому времени будешь свободен и интересно — поговорим.

Александр почувствовал облегчение. Тут же захотел уточнить условия, число дней, деньги. Крылов поднял ладонь.

— Не сейчас. У тебя ещё нет решения, у меня ещё нет утверждённого проекта. Не делай из этого спасательный круг.

— Я так выгляжу?

— Ты уже мысленно спросил, сколько платят.

Они засмеялись.

По дороге к выходу встретили Володю. Тот кивнул Александру, пожал руку, сказал, что работает нормально. Не стал объяснять, насколько правильным было решение уйти. Александр спросил о новой операции, Володя показал жестом через стекло, где теперь его участок.

Разговор занял две минуты. Затем ему понадобилось вернуться. Крылов открыл дверь перед Александром.

На улице тот задержался возле машины. В чужом дворе жизнь не выглядела ни лучше, ни хуже его собственной. Здесь тоже звонили телефоны, спорили о сроках, кто-то опаздывал. Он приехал за доказательством, что после ухода существует другая жизнь, и получил гораздо менее торжественную вещь: она существует, но её тоже придётся устраивать самому.

Глава 48. Сколько стоит дорога

Расчёт перевозки сотрудников оказался хуже, чем ожидали. На карте расстояние выглядело небольшим. На пробном маршруте автобус потратил почти час в одну сторону, а от двух остановок людям пришлось бы ещё идти. Лев принёс время по каждому участку, Мельников — данные по сменам.

Ксения посмотрела таблицу и спросила, можно ли изменить начало работы. Мельников объяснил, что тогда меняются стыковка смен и отгрузка. Часть трудностей можно решить. Часть — нет, по крайней мере теми средствами, которые сейчас заложили.

— Тогда этот сценарий не даёт той экономии, которую мы считали, — сказала она.

— Да, — ответил Александр.

Ему хотелось почувствовать победу. Не получилось: они не отменили неприятный вопрос, только убрали слишком удобный ответ.

Следующая версия предполагала сохранить на месте больше операций и переносить только отдельную часть после испытаний. По людям вариантов оставалось несколько: переход на другую работу внутри компании, согласие на другой маршрут, расставание по согласованным условиям. Ни один ещё не был предложен конкретным сотрудникам.

На встречу с руководителями участков Александр принёс именно это. Ирина из смены спросила, почему нельзя сейчас гарантировать её место. Он показал, какая работа остаётся, какая оценивается и почему до завершения расчёта не может обещать должность на будущий год.

— У вас всё не можете, — сказала она.

— Сейчас так.

Она покачала головой. После встречи подошла отдельно.

— Я не буду ездить по два часа. Хоть на чьём автобусе. Я это не для торга говорю.

Александр кивнул.

— Зафиксировали. Если предложат перевод, должны будем учитывать, что для тебя это не подходит.

— И что тогда?

— Искать другой вариант работы здесь. Если не найдём — отдельно договариваться о расставании. Я не хочу сейчас обещать тебе место, которого у нас может не оказаться.

Ирина посмотрела на него почти с ненавистью. Потом отвернулась, спрятала телефон в карман халата.

— Я буду искать сама, — сказала она.

— Понимаю.

— Вам удобно понимать.

Она ушла, и это было последнее слово разговора. Александр не позвал её обратно.

Вечером он рассказал об этом Льву. Тот выслушал, уточнил, не понадобится ли раньше пересмотреть бюджет на переходные выплаты. Александр сказал, что понадобится. Они начали считать, и сумма уменьшила ожидаемый результат сделки ещё на немного.

— Ты можешь не продавать, — заметил Лев.

— Тогда вопрос о её работе исчезнет?

Лев покачал головой.

— Нет. Мы и без покупателя будем возвращаться к эффективности этой операции. Только позже и с другими деньгами.

Александр откинулся на спинку. Ему хотелось найти решение, после которого никто не имел бы права смотреть на него так, как Ирина. Такого решения на столе не было. Были расходы, сроки, варианты и люди, которые могли не принять ни одного.

Он попросил включить переходные затраты в следующую версию расчёта целиком. Потом позвонил Мельникову: Ирина не должна узнавать о подходящей вакансии последней только потому, что сказала неприятные слова. Мельников ответил, что и не собирался этого допускать.

Глава 49. Второй отъезд

На второй поезд Полину провожал только Александр. Соня осталась с Тамарой: после школы устала и не захотела ехать. Полина спросила дважды, потом согласилась не превращать прощание в обязанность.

Чемодан теперь собирался быстрее. В квартире другого города остались кружка, тапочки, несколько вещей. От этого поездка выглядела короче и одновременно серьёзнее: там появлялось место, где её не ждали с нуля.

В машине Александр рассказал про ужин с Ксенией. Не как признание в поступке, которого не было, и не как просьбу подтвердить его порядочность. Сказал, что ему было приятно внимание и он заметил, как начинает специально его добиваться.

Полина смотрела в боковое окно. Некоторое время он слышал только поворотник и шум колёс.

— Ты хочешь, чтобы я что-то с этим сделала? — спросила она.

— Нет.

— Тогда зачем сейчас? Перед поездом?

Он почувствовал, как ошибся временем. Хотел не откладывать, получилось — передать ей тревогу в дорогу.

— Я боялся, что если скажу потом, это будет выглядеть как скрывал.

— Ты можешь выбирать время разговора, не превращая его в ложь. Я сейчас уеду и буду думать о женщине, которой ты нравишься. Ты этого хотел?

— Нет.

Полина кивнула, но не смягчилась.

— Что ты сделал после того, как заметил?

Он рассказал про сообщение, про разговор о её работе, про такси домой. Не упомянул Бориса: не хотел превращать друга в свидетеля защиты. Полина спросила, продолжают ли они встречаться по работе. Он ответил, что да, вместе с остальными участниками.

— Мне неприятно, — сказала она. — И я не знаю сейчас, что ещё сказать.

Александр сжал руль.

— Не обязательно решать до поезда.

— Хорошо бы ты вспомнил это до того, как начал.

Они доехали почти молча. На перроне Полина сама взяла ручку чемодана. Он не стал отбирать. До отправления оставалось семь минут.

— Я не хочу проверять твой телефон, — сказала она. — И не хочу быть женой, которая хвалит за то, что ты вернулся домой.

— Я тоже не хочу, чтобы ты ею была.

— Тогда давай жить так, чтобы мне не приходилось занимать это место. А говорить мы можем. Только не на бегу и не вместо поступков.

Она обняла его. Он прижал к себе, чувствуя напряжённые плечи. Между ними не было ни примирения, ни разрыва. Был разговор, который он начал не вовремя и теперь не мог закончить одним правильным предложением.

Поезд ушёл. Александр остался на перроне, пока не опустело пространство возле вагона. Достал телефон, написал: «Доеду домой, напишу. Если захочешь продолжить вечером — я буду на связи».

Отправил и убрал. Впереди был вечер с дочерью, утром — встреча о продаже. Он не получил разрешения не волноваться. Пришлось ехать без него.

Глава 50. Меньшая сумма

На этот раз личные условия обсуждали отдельно. Роман, Ксения, юрист Александра. Марк получил общий порядок заранее и не участвовал в разговоре о том, что именно Александр согласится делать после сделки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.